

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО

ВСЕЛЕННАЯ МЕТРО 2033

СЕРГЕЙ ЗАЙЦЕВ
ТЕМНАЯ МИШЕНЬ

FUTURE CORP.

Метро

Сергей Зайцев

Темная мишень

«АСТ»

2013

Зайцев С.

Темная мишень / С. Зайцев — «АСТ», 2013 — (Метро)

ISBN 978-5-17-077031-1

«Метро 2033» Дмитрия Глуховского – культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж – полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают «Вселенную Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности Земли, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду! После разгрома Санитаров Дмитрию Сотникову придется вернуться в метро и пойти на кабальную сделку с главой особого отдела Таганского Треугольника. Тот лелеет мечту создать в метро тайную силу, сплошь состоящую из подконтрольных лично ему носителей особых способностей – измененных, перенесших генную мутацию. Задача Сотникова – проверять любые подозрительные случаи на самых разных станциях или в их окрестностях с целью выявления очередных жертв «быстрянки». Дмитрию не нравятся планы особиста, но пока их цели совпадают: он тоже заинтересован в поиске тех, кто сможет стать его новой семьей. Димка еще не знает, что вскоре произойдут события, которые радикально изменят его представление о собственных возможностях. Не знает, что мрак за его спиной уже сгущается, и расплата за вольные или невольные ошибки будет чрезвычайно высока.

ISBN 978-5-17-077031-1

© Зайцев С., 2013

© АСТ, 2013

Содержание

Пролог	7
Глава 1	14
Глава 2	27
Глава 3	40
Глава 4	53
Глава 5	61
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Сергей Зайцев

Темная мишень

© Д.А. Глуховский, 2013

© С.Г. Зайцев, 2013

© ООО «Издательство АСТ», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Пролог

Декабрь – паршивое время для путешествий.

Необходима веская причина, чтобы высунуть нос наружу из надежного убежища и отправиться вниз, где межвидовая борьба не затихает ни на минуту даже в зимнее время. Одна из таких причин – лютый голод. Запасы тепла при минусовой температуре выгорают в теле, словно сухие деревяшки в жадно буйствующем костре. Хочешь выжить – не отсидишься.

На этом и строился расчет.

И вот он, долгожданный момент: темный силуэт крупной твари, громко хлопая крыльями в стылой ночной тишине, выпорхнул из окна пятого этажа. В ярком свете молодой луны мелькнули сложенные в полете лапы с мощными когтями, качнулся длинный зубастый клюв, хищно блеснули глаза, осматриваясь на лету в поисках добычи. Вибрируя в набегающих потоках воздуха кожистыми мембранами, натянутыми на лучевидные кости, крылья широко распахнулись. Могучая «птичка» устремилась вниз, планируя над простором широкой улицы.

Отправилась на охоту.

Три человека затаились в одной из квартир на втором этаже соседнего, через дорогу, дома. Большая часть ночи ушла на наблюдение – иначе можно здорово влипнуть, если ломаться без подготовки. Так что сидели тихо, а в окно с предельной осторожностью, как самый опытный, выглядывал только сам Оспа, старшой группы. И то лишь после того, как слышал хлопанье крыльев. У следопытов с Новокузнецкой тоже имелась веская причина затеять охоту на крылатых бестий, которые обычно сами не брезговали ловлей двуногих. Подходящее гнездо засекли в высотке с частично разрушенными верхними перекрытиями. Местонахождение гнезда определили элементарно – по обглоданным костям, разбросанным на снегу возле фасада.

Вичух оказалось две. Вроде две.

Как только из продолжительного вояжа вернулась первая, за добычей улетела вторая, пропав еще на несколько часов. Плохо. Идеально, когда обе свалят одновременно. Время шло, до рассвета и всех сопутствующих ему «прелестей» оставалось не больше трех часов, и терпение Оспы иссякало. Да и морозец знатно вгрызлся в тело сквозь теплую, но основательно изношенную одежду. Считай, ночь потеряна зря, охота на поверхности и так длилась слишком долго.

Но только он решил, что опасную затею пора заканчивать, как нужный момент все-таки настал: раньше, чем у старшого, терпение закончилось у куковавшей в гнезде вичухи. Ее товарка задерживалась, и бестия решила устроить завтрак вне «утвержденного расписания».

Как только тварь улетела, старшой первым делом привычно проверил свою «Сайгу». Не позаботишься об оружии, оружие не позаботится о тебе – истина предельно проста. Спутники дремали на единственном «удобстве» в квартирке – дырявом, полуразвалившемся диванчике. Обоих засонь следопыт растолкал бесцеремонными пинками.

Хомут сразу вскинулся, словно и не спал, подхватил с коленей автомат, вскочил, выжидающе уставился на старшого. Ни одного лишнего движения и никаких вопросов. Прямо гордость просыпается – сам ведь натаскивал, несколько лет. Жилистый, подвижный, крепкий, тридцатник прожил. Хотя что в башке у Хомута творится – иной раз и не понять. Бывает, словно крышу сносит, и при опасности прет напролом, невзирая на то, кто ему противостоит. Но раз до сих пор живой, значит, и такая тактика имеет право на существование.

А вот со вторым пока лажа. Пацану всего пятнадцать. Как и большинство его сверстников, выросших в подземелье без солнца и нормальной пищи, – худой и низкорослый. Ходить и то толком не умеет, топает пятками, как малолетка, никак не удается переучить «по-взрослому» – распределяя вес на стопу равномерно. Отсюда и прозвище – Кирпич.

После жесткого пинка в подошву ботинка малый завозился, продрал глаза кулаками, одурело осмотрелся. Охнув, болезненно скривился и принялся растирать уши. Еще бы – пока дрых, привалившись затылком к стене, вязаная шапка сползла на лоб, предоставив морозцу продегустировать «нежные» части тела. Про оружие пацан вспомнил не сразу. Да уж, подготовочка. Сопля соплей. Но у следопытов такие тройки, из двух опытных и одного салаги – обычное дело, и не только на Новокузнецкой. Ведь и подрастающее поколение когда-то надо «обкатывать», чтобы было кому заменить старших.

Как придет время.

Неприятная мысль заставила Оспу едва заметно усмехнуться в густые усы. К смерти, в силу возраста, он давно относился философски, но и на тот свет не торопился.

– Ствол проверь, бестолочь, – тихо, без гнева, напомнил Оспа малому. – Выходим.

– Наконец-то, – сипло буркнул Кирпич, вытирая кулаком сопливый нос. – Спать хочу – сил уже никаких не осталось...

– Хрен тебе, а не домой.

Пацан прямо в лице изменился. Наверное, надеялся, что без охоты все-таки обойдется. Но под внимательным взглядом старшего быстро спохватился, даже «склеил» одеревеневшими от мороза губами вымученную усмешку, копируя бывалого следопыта, которому сам черт не брат. Выщелкнул магазин из своего «калаша» и, как учил Оспа, пару раз энергично передернул затворную раму. Хотел еще разок, но Хомут знаком заставил вставить магазин обратно. Правила – правилами, при длительном нахождении на холоде, конечно, положено «разогреть» оружие, но шуметь сейчас определенно не стоит. В ночной тишине и эти металлические щелчки разносятся довольно далеко.

– Дуйте за мной, смотреть в оба.

Наставление – больше для сопляка, Хомут и так все прекрасно знал.

Снаружи их встретил пронизывающий ветер, резанул по скулам ледяной бритвой, вышиб влагу из прищуренных глаз. Все трое обходились без респираторов – не напасешься. Полис с Ганзой пусть себе жируют, все их сталкеры упакованы по самое «не хочу». А браткам с Новокузнецкой респираторы в крайних случаях заменяли натянутые на нижнюю часть лица шарфы, да счетчик Гейгера в кармане старшего группы не давал чересчур лажануться. Если не лезть в радиоактивные зоны, то ничего с тобой не случится. Зимой так вообще красота – чисто, снег всю фoniaщую дрянь, которую ветер носит по городу, к земле прибил, похоронил до весны. Дыши полной грудью, как дома, в метро... И все же на поверхности расслабляться не стоит. Например, в старых квартирах уборка снегом и дождем не проводилась, хлама и пыли здесь предостаточно, и фон порой весьма неприятен.

Старательно огибая сугробы, Оспа не забыл бросить быстрый взгляд на удивительно ясное этой ночью небо. Вместо привычной давящей пелены туч там лезвием серпа сияла молодая луна. Хорошая видимость – палка о двух концах, фора ведь не только у людей, но и у хищников, отслеживающих добычу.

Не дай бог раньше времени появится крылатая тень.

Троица довольно шустро пересекла улицу, влилась в темный провал подъезда.

Ветер с бессильной злостью толкнул в спины, упуская добычу, а следопыты уже поднимались по лестнице. Взгляды троицы скользили по обшарпанным, исцарапанным чьими-то когтями стенам, внимательно изучали провалы выбитых дверей на лестничных площадках. Спиной к дверям старались не поворачиваться – мало ли какая тварь может оказаться там, в темноте. Под подошвами хрустела осыпавшаяся штукатурка. Поднимались быстро – неизвестно, сколько в запасе времени, а нужно успеть приготовиться к возвращению «птичек».

На лестничной площадке пятого этажа предусмотрительно сделали минутную передышку. Оспа вытер рукавом куртки испарину на лбу, покосился на слегка покрасневшиеся от быстрого подъема лица спутников. Хомут дышит ровно, по губам блуждает вечная кривая

усмешка. После опасной ножевой раны, полученной парнем в шальной картежной разборке и прорезавшей лицо от скулы до подбородка, лицевые мышцы срослись грубо, и правый уголок рта загибался вверх, создавая впечатление злобной гримасы. Теперь эта ухмылка – визитная карточка, отражающая состояние души. Хомуту и в самом деле дорогу лучше не переходить. Тот, кто ему лицо расписал, давно уже в земле сгнил.

Поймав взгляд расширенных глаз Кирпича, старшой ободряюще подмигнул салаге, понимая, как у него сейчас бешено колотится сердце – у самого, несмотря на опыт, и то пульс участился. В тишине нужной квартиры чудилась затаившаяся опасность. Именно там находилось гнездо. Отсутствие входной двери тоже подтверждало предположение, что движение в этой квартирке весьма оживленное. А еще – пованивало. Мертвечиной. Гнилью. Смертью. Так что ошибиться невозможно.

Все трое не отводили стволов от дверного проема, грея указательными пальцами холодный металл спусковых крючков. Наконец решив, что бестий все-таки «дома» нет, Оспа опустил карабин, вынул из поясной петли фонарь, включил. Нахмурился – батарейки все-таки почти разрядились. Проклятый холод.

Дверное полотно в тусклом луче света обнаружилось сразу за порогом. Косо лежало на ржавом, опрокинутом набок холодильнике, топорщась расщепленной древесиной, зияя рваными дырами. Наметанным взглядом старшой сразу узнал по характерным отметинам следы от осколков разорвавшейся гранаты. Похоже, кто-то уже успел побывать тут раньше братков, и выбираться пришлось с боем. Не исключено, что останки незнакомого сталкера сейчас покоятся где-то в глубине квартиры. Плохая примета.

Дав своим знак оставаться на месте, Оспа поудобнее перехватил «Сайгу» и шагнул внутрь. Аккуратно, стараясь не шуметь, отодвинул дверное полотно, освобождая проход. Труп обнаружился в зале – спал вечным сном на полуразвалившемся диване, укрытый дырявым пледом. Старый, высохший труп. Наверное, все двадцать с хвостиком лет после Катаклизма так и пролежал. Нехило соснул мужичок, или кто там, по останкам сейчас не определишь, да и смысла нет выяснять. На такое «добро» даже зверье не зарится.

Мертвечиной, однако, несло не отсюда.

Гнездо обнаружилось в следующей комнате, дверь которой была измочалена в щепу и висела на честном слове. Здесь уже поработал не взрыв, а когти и клюв «хозяев» помещения. Очень похоже на то, что кто-то пытался вичух запереть, вон и кресло в коридоре валяется. Явно дверь подпирали, да преграда оказалась хлипкой.

А смердело-то как...

Вот уж когда пожалеешь, что на морде нет респиратора.

Зато вичухи и впрямь свалили, в комнате пусто. Напряжение, заставлявшее все тело пружиной сжиматься от предчувствия неминуемой опасности, ослабло, позволив вздохнуть посвободнее. Оспа усмехнулся, восприняв увиденное не без юмора – у вичух, оказывается, губа не дура, устроились с комфортом – свили гнездо из проволоки и ветвей прямо на широкой кровати. От кровати, правда, одно название осталось – ножки давно развалились, и остов осел на пол, видимо, после неистовых брачных игр. Да и сам матрас выглядел как комковатый и грязный ватный сугроб. Поди пойми логику этих тварей. В зале куда просторнее, но заняли комнату поменьше. Кровать приглянулась больше, чем диван? Или чем-то мумия на диване не понравилась?

Вичухи, в каком-то смысле, «чистюли» – все лишнее после жрачки стараются выбрасывать за окно. Но получается у них это не слишком аккуратно. В преюющих вокруг гнезда мусорных кучах столько дряни, что в помещении стояла густая, плотная, хоть тесаком руби, вонища.

Неважно.

Пора действовать, ведь времени все меньше.

Еще несколько быстрых шагов, и Оспа заглянул в последнюю комнату – нельзя же позволить случайностям загубить дело. Убедившись, что и там чисто, вернулся к спальне и мигнул фонарем в сторону входа. Спустя несколько секунд Хомут, ступая почти бесшумно, нарисовался рядом. Эффект появления испортил Кирпич, бабахая пятками за его спиной, как стадо слонов. Старшой едва удержался от назидательного подзатыльника – у пацана и так глаза на лоб полезли, вдохнул и не смог выдохнуть.

– Ртом дыши, – тихо посоветовал Оспа. – Или шарф натяни. И ступай на носки, черт тебя дер.

– Ага, – невнятно вякнул Кирпич из-под рукава, которым торопливо прикрыл нижнюю часть лица.

Хомут поневоле тоже поморщился от знатного запашка, но прошел к окну молча. Без суеты, со знанием дела, принялся устанавливать растяжки. Темнота ему не мешала. Когда прикасаешься к ночным вылазкам, то и рассеянного света луны хватает за глаза, да и опытные в работе руки сами знали, что делать. Любил Хомут вертеть всяческие петли, устанавливать ловушки, за что и ценился. Парочку гранат следопыт примотал проволокой по краям древней батареи, когда-то служившей для отопления, а сейчас – просто никому не нужный кусок железа. Затем легко вскочил на подоконник, не обращая внимания на зияющий снаружи провал под ногами и бьющий в лицо ледяной ветер. Внутренняя часть рамы выломана, если что, даже уцепиться не за что – «птички» постарались. Прикрепил по краям карниза две нитки лески, спрыгнул. Подергал, чтобы убедиться в надежности узлов. Осторожно растянул леску крест-накрест, привязал концы к вытяжным кольцам гранат, затем у обеих разжал усики предохранительной чеки. Так же тихо вернулся в коридор к остальным.

– Готово.

Старшой кивнул, увлекая спутников за собой, в соседнюю комнату:

– Здесь подождем.

– До Нового года еще месяц, а подарки уже нарисовались, – хмыкнул Хомут, оглядывая небольшую комнату, которая когда-то была детской. Узкая кровать у стены слева, одежный шкафчик напротив, столик в углу, тонкий экран навсегда уснувшего монитора на столешнице, коробки от дисков, принтер сбоку от монитора. Внизу, в специальной нише, системный блок – обросший толстым слоем пыли и паутины.

Хомут еще застал жизнь до Катаклизма и знал назначение обнаруженных вещей. Неудивительно, что они здесь сохранились – мало желающих найдется промышлять в такой «малине». Судя по всему, эта квартирка использовалась вичухами для бесплатного проживания уже много лет, и вывелось здесь немало кровожадных тварюг.

Впрочем, ценности все эти компьютерные прибаамбасы давно не имели. Никакой.

«Каково это, из детства, да мордой в страшную реальность, – отстраненно подумал Оспа, проходя мимо кровати к окну. – Наверное, так хуже всего. С другой стороны, молодые быстрее адаптируются к изменяющимся условиям». Он присел на ветхое кресло возле компьютерного стола, с тихим стуком положил карабин на столешницу, утомленно откинулся на жалобно скрипнувшую спинку. Экран весь в паутине. Пахло пылью и плесенью, едва различимо – пластиком. Запах жизни из далекого прошлого. Пластмассовый мир. Небольшой ядерный «бум», и вся жизнь расплавилась к чертям, стекла в канализацию, где им всем сейчас и место – тем, кто выжил...

Спутники сгрудились возле стола. Хомут подобрал раскрытую коробку от диска, прищурился, пытаясь прочитать название в отблесках лунного света. Выругался с какой-то бессильной злостью. Торопливо, словно кто-то мог отобрать, спрятал сувенир в карман зимней куртки:

– Твою мать... опять «Варкрафт»!

– И не надоело тебе жечь эту дрянь? – равнодушным тоном поинтересовался Оспа. – Сколько еще будешь мстить за бесцельно потраченное в детстве время? Да и игрушка ли виновата? Абсурд.

– Не твое дело, старик.

– А что такое «Варкрафт»? – поблескивая от любопытства глазами, встрял Кирпич.

– Забудь, – отрезал Хомут, не желая делиться личным с тем, кто этого все равно не поймет.

– А что такое «абсурд»? – снова не удержался от вопроса салага.

– Абсурд – это наша жизнь, – задумавшись о своем, машинально ответил старшой. Жилой вид комнаты воскресил давно забытые мысли, пробудил застарелую тяжесть непрошенных воспоминаний. Нередко из-за таких нетронутых временем находок нервы у стариков и срываются. Молодым-то все до фени, эти выросли уже в другом мире. В мире крыс и монстров, гуляющих по улицам вместо людей.

– Кирпич, ты совсем сдурел? – Хомут отобрал у неугомонного в своем любопытстве пацана книжку, которую тот подобрал на столе, и кинул в чернильный мрак угла. – Нашел время страницами шелестеть! Забыл, на кого охотимся, бестолочь?! Лучше уши развесь как следует.

– Да ты сам не шипи, Хомут, – негромко осадил Оспа, примиряя обоих. – Чего так перевозбудился? Прошлое – это всего лишь прошлое. Оно не кусается.

– Да плевать на прошлое. Херней мы занимаемся, Оспа. Мне вон уже тридцать с гаком, а я как Чингачгук. Рыскаю по поверхности, пока не огребу сполна. А жизнь, брателло, идет. Что плохо – идет мимо. Сдалась пахану эта традиция... Долгожитель хренов. Не сам ведь сердце добывает, мы корячимся. Нам-то такое приключение жизнь может и укоротить.

Оспа прекрасно понимал, что за вспышкой недовольства обычно сдержанного Хомута – те же растревоженные воспоминания, что и у него. Чертова комната выглядела *слишком* жилой. Особенно в темноте, когда проступают лишь интуитивно узнаваемые очертания предметов, но почти не видно, что вся мебель, исхлестанная через окно ветром с дождем и снегом, за много лет покорибилась, пришла в полную негодность. На открытых пространствах все рано или поздно умирает. А вещи, оставшиеся после людей, лишенные их заботы и ухода, неизбежно повторяют их судьбу. Ничего, этот эмоциональный всплеск пройдет. Это всегда проходит.

Охота на вичух под Новый год и в самом деле давно уже вошла в традицию. День рождения Учителя, пахана Новокузнецкой, приходился на третье декабря, вот братки и старались. Как традиция возникла, уже никто и не помнил. Зато почему-то считалось, что сердце летающей твари, крайне злобной и опасной, помогает здоровью и долголетию. А что для уважаемого человека, у которого и так есть все, будет ценно? Ясное дело – именно такой подарок. Сам Оспа, как человек старой закалки, считал полнейшим идиотизмом жрать эту дрянь. Хоть в вареном виде, хоть в жареном. Учитель, насколько было известно следопыту, тоже придерживался такого мнения. Но вот незадача – молодняк к новым обычаям относился всерьез, так что хочешь не хочешь, а приходилось соответствовать ожиданиям. Авторитет складывается из мелочей. Даже из таких дурацких.

– Не гони волну, Хомут, – Оспа устало вздохнул. – Удачно вернемся – и нам счастье обломится. Учитель добро помнит.

Лишившийся книжки Кирпич обиженно сопел недолго, пытливо прислушиваясь к разговору старших:

– А кто такой Чингач...

Где-то в подъезде раздался громкий заунывный звук.

Оспа мгновенно подхватил со стола оружие, вцепился пальцами в перчатках в холодный металл, нащупывая спусковой крючок. Кирпич, поперхнувшись вопросом, шархнул в

угол, разворачивая автомат к дверному проему. Хомут же, ловкий, подвижный и все-таки, что ни говори, абсолютно безбашенный, несмотря на свое ворчание, неуловимой тенью метнулся через комнату в коридор. Упал на колено, вскинул наизготовку верный АК-74.

Все замерли, прислушиваясь.

Медленно тянулись секунды.

Зловеще сгущалась тишина.

Оспа мысленно выругался, через силу разжал онемевшие пальцы – оказывается, сдвигал цевье карабина так, что уже и кисть не чувствовал. «Неужто какая-то зверюга взяла след? Только этого не хватало – охоты на охотников».

Жуткий вой будто взорвался где-то на верхних этажах – Оспа даже почувствовал вибрацию пола под подошвами ботинок. Кирпич сдавленно хрюкнул, еще сильнее забиваясь в угол. Нарастая, словно водопад, бешеный рев хлынул вниз, до боли ввинчиваясь в уши. Достиг пятого этажа, заставив трястись стены... С потолка посыпалась штукатурка, с мебели взметнулась мутным облаком слежавшаяся пыль...

И вдруг все стихло.

Трясущейся рукой Оспа вытер взмокшее лицо. Господи, что это было?! Впрочем, он догадывался, что именно. Уже не раз приходилось слышать байки про проклятые дома, которые жили какой-то таинственной собственной жизнью и где бесследно пропадали люди, посмевшие исследовать такой дом. Особенно ярко, как правило, подобная чертовщина проявлялась в полнолуние, но до него еще неделя... В любом случае получается, не только из-за вичухи квартиры не разграблены! А значит – валить отсюда надо! Валить!!!

Оспа редко позволял себе такую роскошь, как паника, но и сам не заметил, как оказался в коридоре и с силой толкнул в спину Хомута, заставляя убраться с дороги:

– Уходим! Чего стоишь?!

– Да хрен тебе, я же растяжки установил...

Громкое хлопанье крыльев и злобный клекот твари, учуявшей гостей еще на подлете.

Несмотря на стену, Оспа словно наяву увидел, как вичуха, замедлившись перед оконным проемом, влетает внутрь. Как под напором мощного тела натянутая леска выдергивает кольца. Как ударник запала бьет по капсюлю гранаты, воспламеняется фитиль, и огонь бежит к детонатору...

От резкого хлопка зазвенело в ушах. Вздрыгнул пол под ногами.

Встряхнув головой, Хомут ломанулся в спальню первым, Оспа ввалился следом.

Все помещение заволокло пылью от штукатурки с измочаленных стен и потолка.

В замкнутых помещениях действие «лимонки» – страшная сила. Все пространство находится в зоне поражения, сотни осколков рикошетят от бетонных поверхностей, да еще и усиленная переотражением от стен ударная волна...

И все же вичуха выжила.

В лучах вспыхнувшего фонаря здоровенная тварюга ошеломленно ворочалась на взрывном взрыве гнезде, дергала крупной костистой головой, яростно шипела и клацала клювом, словно передергиваемый затвор карабина. Полуоторванное левое крыло висело на честном слове – на клочьях кожи и мышц. Существо истекало кровью из множества ран, но по-прежнему представляло смертельную опасность.

Короткая очередь из АК-74 вбила крупную башку твари в край гнезда. Хомут бесстрашно подскочил ближе, целясь в глаз, но вичуха внезапно рванулась вперед, и могучий удар клювом вышвырнул неосторожно приблизившегося следопыта обратно в коридор, словно мешок с тряпьем.

Снова затрещал автомат – уже в руках подоспевшего Кирпича. Молодец пацан, не подвел.

Крылатый зверь замотал головой, отмахиваясь от пуль, как от назойливых насекомых, массивной громадой приподнялся на мощных лапах, нависая над людьми и готовясь к атаке.

Внося свою лепту, рывкнула «Сайга». Еще раз. И еще. Два заряда картечи до кости содрали кожу и мышцы на башке вичухи, третий ушел в глаз, расплескав мозг внутри черепа.

И тяжелое тело с шумом рухнуло обратно в гнездо, дергаясь в конвульсиях.

Оспа любил свою «Сайгу» – сколько раз это простое и надежное ружье спасало ему жизнь – уже не подсчитать. Патрон двенадцатого калибра мог снаряжаться как пулей, так и картечью, а последняя – в самый раз для борьбы против зверья в замкнутых пространствах зданий. Да и против двуногих нелюдей, как показывала практика – то, что доктор прописал.

С чувством исполненного долга старшой отступил в сторону, хрипло бросил в коридор:

– Хомут, ты как там, цел?

– Да цел, – сдавленно отозвался следопыт, поднимаясь. – Только пару ребер, кажись, на больничку попросятся...

– Отдыхай. За входом присмотри. Кирпич, дуй сюда. Пока вторая сучара не вернется, нужно успеть.

«Да и про вой из подъезда забывать не стоит», – мысленно напомнил себе старшой.

Вдвоем с пацаном насилу сдернули тело твари с гнезда, перевернули на спину, распластав на полу. Оспа уже потянулся за ножом, чтобы вскрыть «птичке» грудную клетку, когда Кирпич с удивленным возгласом схватил его за руку:

– Смотри! В гнезде!

Посветив фонариком, Оспа озадачено хмыкнул.

Оказывается, для бестии охота тоже удалась. Среди проволоки и веток изломанной куклой валялось человеческое тело. Старшой шагнул ближе, внимательно присмотрелся к снаряжению. Добротная зимняя одежда, карманы разгрузки выпукло выпирают на груди. Полны коробочки. Куртка, конечно, после когтей вичухи кое-где порвана и заляпана кровью, но залапать можно, все лучше, чем заношенное рванье Оспы. А если пошарить по карманам, то наверняка найдется немало ценного добра – такие богатенькие сталкеры порожняком не ходят. Лицо незнакомца защищено панорамной маской, корпус фильтра окрашен в оранжевый – с защитой от радиоактивных частиц. Интересно, откуда чел? Неплохо экипирован. Только ему это не помогло. Ничего, в хороших руках запас не пропадет.

– Что, еще один подарочек на Новый год? – морщась и прижимая ладонь к ребрам на правом боку, через силу усмехнулся Хомут, тоже заглядывая в гнездо. – А хорошо мы прибрахлились, старшой. Вот уж не ожидал.

Перегнувшись через край гнезда, Хомут выдернул из крепившихся к бедру незнакомца ножен трофей, подбросил в ладони. Широкий клинок лепестковой формы с двухсторонней заточкой, двусторонняя гарда, удобная прямая рукоять. Металл лезвия почти не отражал свет, лишь острая режущая кромка блеснула в луче. Изделие определенно не кустарное, в самый раз для ночных операций.

– Давно о таком мечтал! – восхищенно выдохнул Хомут.

И тут «подарок» шевельнулся. Судорожно выгнулся всем телом. Что-то захрипел в маску. Кирпич изумленно охнул. Оспа недоверчиво покачал головой. Выжить после такого... Это, как говорят, даже не в «рубашке» надо родиться, а сразу в бронепоезде...

– А вот это зря. Не хочет, баклан, делиться. – Хомут ловко перехватил нож удобнее, свободной рукой ухватил человека за подбородок и резко потянул на себя, обнажая горло над воротником полушубка. – Ничего, это поправимо.

Глава 1

Нелегкое решение

Бродяги прибыли вовремя, как их и ожидали – в полночь.

Заслышав скрипящие на снегу шаги, Грешник распахнул дверь проходной, загудевшую заиндепевшим металлом. Отступил в сторону. Шестеро человек, нагруженных увесистыми мешками, неторопливо, друг за другом, втянулись в просторный двор, огороженный глухим забором из гофрированного железа в три метра высотой – вполне надежная защита против незваных гостей, мечтающих полакомиться человечинной. Сверху двор перекрывала проволоочная сетка, опираясь на каркас из сваренных металлических труб – преграда для летающих тварей. Только снег попадал внутрь беспрепятственно. Забор отсекал ветер, и снежинки неспешно вальсировали в лучах двух неярких прожекторов, свет которых резко выхватывал из клубившейся за воротами тьмы фигуры входящих. Потрепанное временем, но добротное снаряжение, в руках автоматическое оружие, лица защищены панорамными масками.

Бродяги шурились, прикрывались ладонями в теплых перчатках, отворачивали головы: после ночного путешествия свет был нестерпимо ярким для их глаз. Но как ни закрывайся, самое главное начальник охраны Бункера успевал разглядеть – все знакомцы, не один раз сюда хаживали, это успокаивало. В силу своей должности Грешник, а в миру – Сергей Поляков, не любил неприятные сюрпризы.

Впустив гостей, он захлопнул дверь, задвинул мощные засовы. Перехватив поудобнее карабин «Вепрь», немного понаблюдая, как бродяги снимают со спин мешки и с глухим стуком сваливают на грубо сваренный из металлических обрезков стол, где уже лежали приготовленные для обмена свертки.

Возле ворот его работа пока закончена, поэтому Поляков отправился на свой пост, скрипя ботинками по морозному снегу. От проходной до входа в бункер вела узкая дорожка, напоминая формой неглубокую траншею – зима в этом году выдалась щедрой на снегопады, и приходилось шуровать лопатой всякий раз перед приходом гостей. Добравшись до входа, он остановился рядом со своей неизменной помощницей – Фионой. Родная дочь. Теплая зимняя одежда – пестрой расцветки охотничьи куртка и штаны, скрадывала очертания и без того худощавой фигурки девушки, заставляя ее выглядеть низкорослым подростком. Голову Фионы защищала двойная вязаная шапка. На ременной петле, перекинутой через плечо и шею – пистолет-пулемет «Витязь». Дочь хмуро, с изрядной долей неприязни смотрела на гостей сквозь пластик панорамной маски.

Уже несколько лет подряд подобные визиты проходили по одной и той же схеме. Затворники заранее минут на двадцать врубали «пугачи» – направленные инфразвуковые генераторы кустарной сборки, чтобы расчистить территорию вокруг места встречи от случайного зверья. Затем впускали гостей. Упаковав во вместительные рюкзаки приготовленный для них товар, бродяги устраивались на отдых здесь же, во дворе. Вот и сейчас все шестеро расселись спинами к прожекторам, оберегая глаза от слепящего света. Короткие облачка пара, вырываясь из клапанов масок, взвивались в морозный воздух. Преодолев опасный многочасовой путь, эти люди вели себя спокойно, уверенно, не выказывая заметных признаков усталости или спешки. Крепкие, тертые жизнью мужики, но их внешнее миролюбие весьма обманчиво, учитывая, с какими опасностями им приходится постоянно сталкиваться в пути. Пока ведешь дела более-менее прилично, и они ведут себя ровно. Но отпор, в случае чего, готовы дать всегда.

Грешник криво усмехнулся, невольно завидуя выносливости и выдержке этих людей. Вскоре ему предстояло влезть в их шкуру и проверить на деле, чего стоит он сам. Ну а пока они с Фионой просто охраняли двор. Работа несложная, разве что зябко стоять без движения,

ведь мороз, стервец, потихоньку достает сквозь одежду, студит суставы и холодит кровь. Да и чертов возраст дает о себе знать. Казалось бы, ерунда – всего сорок четыре, а пальцы теперь мерзнут даже в перчатках. В двадцать Поляков перчаток не признавал, хватало «батареек» собственного тела. Но все меняется, и не всегда это к лучшему, вопреки расхожей в прошлом, а теперь звучавшей весьма издевательски поговорке.

Ничего, терпеть уже недолго. Визит редко длился более получаса.

Оставаться в окрестностях убежища чужакам дольше не позволялось. Мало ли какую заразу гости притащат в родные стены, да и сложно понять, о чем эти люди думают на самом деле. Может, воспользуются случаем и решат захватить жилплощадь. Можно торговать, а можно ведь и воевать. Впрочем, стычек с бродягами Сергей припомнить не мог. Никогда такого не было. Бродяги, конечно, прижимисты, но никогда не покушались на устоявшиеся порядки, не зарились на чужое. Всегда платили по счетам честно. Скорее это убежище пытались их надуть, и не раз, повышая расценки.

Караванщики исправно платили затворникам той же монетой – недоверием. И никогда не рассказывали о своих делах и проблемах. Разве что изредка сообщали новости из Метро, где находились основные человеческие поселения и куда они временами хаживали для торговли. Бродяги даже имен своих не называли – только клички, больше похожие на маркировку роботов. Командир отряда у них – Первый, последний член отряда – Шестой. Простой набор цифр. Да и «бродягами» они называли себя сами. Или «дикими» – так о них говорили в Метро. В общем, парни не из разговорчивых, внутри их группы всегда чувствовалась жесткая дисциплина, а от лица всех говорил только Первый, остальные помалкивали. Какие на самом деле они преодолевали расстояния за ночь и где находились постоянные жилища этих необычных людей – не знал никто.

А убежищу от караванщиков нужно было только одно – свежее мясо.

Затворники ничего не выращивали и не охотились. Упустили они тот момент, когда можно было учиться охоте на расплодившееся на поверхности города невиданное зверье. Не поспели за стремительно набирающим обороты непостижимым эволюционным процессом, пугающе преобразившим когда-то знакомый мир. А потом, когда продовольственные запасы начали иссякать, учиться стало уже слишком опасно. Казалось бы, парадокс: свежее мясо бегают за воротами, выйди и возьми, зачем заказывать поставки черт знает откуда, да еще отдавать за это ценное барахло? Так вот, пробовали охотиться сами. И не раз. Да только зверье сплошь попадалось или зараженное какой-нибудь болезнетворной дрянью, или фонило радиацией так, что жрать такое – все равно, что добровольно подписать себе смертный приговор.

Многие и поплатились за подобные эксперименты, кто здоровьем, а кто и жизнью.

К счастью, вещевой склад до сих пор был забит, что называется, под завязочку. Имущества, удачно нахапанного с брошенных в округе складов, имелось столько, сколько жители убежища не растратили бы и за полсотни лет. А охотники, способные отслеживать и добывать «чистое» мясо на поверхности, нашлись и без них, убежищу оставалось лишь договориться о взаимовыгодном сотрудничестве, не рискуя своими людьми.

Поляков, забывшись, тяжело вздохнул. Стекло маски сразу же слегка запотело изнутри, Впрочем, быстро очистилось. Не холод Сергея беспокоил на самом деле, а то, что предстояло сделать после ухода бродяг. Он знал, что мысли Фионы сейчас сосредоточены на том же. Знал, и на душе у него стоял такой же мрак, как за этим металлическим забором, куда не доставал свет прожекторов. Фи всегда была упряма, и если что-то решила, отговорить уже невозможно. Ей бы пацаном родиться, да угораздило девчонкой. Нередко из-за ее ершистого, неуживчивого характера возникали сложности.

Поначалу, когда Фи об этом заговорила, еще два месяца назад, Поляков от ее слов просто отмахнулся. Почти семнадцать лет, прожитых в убежище, просто так со счетов не спишешь. Эти стены давно стали их домом, а дом всегда тяжело покидать, уходить в неизвестность. Даже

когда мрачная беспросветная атмосфера, воцарившаяся внутри надежных ранее стен, теперь пожирает нервы своих жильцов, словно грибковая плесень – выброшенные на помойку объедки. Да и Павел Храмовой – глава бункера и старый друг Полякова, его не поймет. Не пойдут навстречу. Он давно уже запретил уход, понимая, что если люди начнут разбегаться, то убежище протянет недолго. С людьми и так сейчас дефицит. У Храмового имелась теория, что для любого поселения существует некая критическая масса, ниже которой люди начинают быстро деградировать, сначала морально, потом и физически. Зависит, конечно, от многих факторов – не только от количества, но и от «качества» людей, которых волею случая судьба свела вместе. К примеру, скопище отморозков, тех, которые живут лишь сегодняшним днем и удовлетворяют только низменные потребности, но не способны в момент смертельной опасности, рискуя жизнью, прийти на выручку товарищу, – такие выродятся раньше остальных. Исчезнут в бесконечном противостоянии с опасностями окружающего мира, особенно такого губительного, каким этот мир стал сейчас. Именно это в первые годы после Катаклизма и произошло. Много было банд, зверствовавших на поверхности, выживавших в различных схронах и подвалах за счет мародерства и убийств, да где они сейчас? Канули в небытие. Растворились, словно вода в песке. Но если у человека хоть что-то есть за душой, хоть какие-то моральные и нравственные ориентиры, за которые стоит цепляться, – такой продержится дольше. Продержится и сплотит против общей беды тех, кто слабее духом, поможет выжить и им.

Именно таким лидером стал для них всех Храмовой. Но тем не менее убежище уже достигло критической черты – осталось всего полсотни человек из ста, с которых колония начиналась. Каждый год, словно слепая и безжалостная автоматная очередь, уносил нескольких человек в мир иной – от болезней, от случайных травм, да и просто от старости и тоскливой судьбы без будущего. А бывали и проступки, за которые некоторым индивидам жизнь приходилось укорачивать насильно. Отчаянные времена диктуют отчаянные меры. Прошлым летом двое мужчин попались на попытке удрать из колонии втихую, и Храмовой долго не колебался. Он ведь тоже уже не тот человек, каким был двадцать лет назад. Прагматик в нем давно сожрал идеалиста. Несчастливым устроили показательную казнь – вывели в этот самый дворик и расстреляли возле забора.

Казнь всегда вершилась руками Грешника.

Кровавая работа давалась ему без особых нравственных угрызений. Это не он такой моральный урод, считал Сергей, а жизнь такая. Без железной дисциплины и суровых мер за нарушение общепринятых правил колония давно бы развалилась. А так – столько лет прожили лучше, чем нищebroды из метро. На полном самообеспечении. И только когда заметно начали убывать запасы продовольствия – консервы и крупы, завели торговлю с бродягами.

Поданная дочкой идея оказалась заразна – она, словно вирус, постепенно укоренилась в сознании, проникая все глубже. Поляков уже почти склонился к мысли, что дочь права, и в убежище ни у кого из них нет будущего, когда Фи несколько часов назад просто поставила его в известность – она решила больше не выжидать. И уйдет с матерью сегодня. Согласен отец или нет, они здесь не останутся.

Женщины просто не оставили ему выбора этим чертовым ультиматумом.

Начнет на них шуметь, попытается остановить силой – чужие уши услышат, чужие глаза увидят, донесут людишки Храмовому. И никакие прошлые заслуги не помогут. Скорее, наоборот. Сколько для дружка-приятеля палачествовал, «успокаивая» беспокойных. Многие на него зуб точат и, образно говоря, осинового колья держат наготове. Только власть Храмового и не позволяет своре недовольных его распять. А отпустить баб одних, на верную смерть, Грешник не мог. Все-таки, какие ни есть, а родные. Других нет. И не будет уже, наверное...

Поляков перехватил оружие левой рукой, а кисть правой засунул в карман куртки, чтобы согреть озябшие пальцы. Повел головой, разминая затекшую шею.

Тихо-то как. Все так же, медленно пританцовывая, падает снег, освежая мягким пухом слежавшуюся перину сугробов. И кажется, что кроме него с дочкой и караванщиков в этом мире больше никого не осталось – такое спокойствие разлито вокруг. Ни воя ветра, ни звериного рычания.

Мир за забором словно исчез.

Инфразвук – страшная, неодолимая живой природой сила. Резонансные частоты воздействия, что на зверье, что на человека, давно уже все выверены методом проб и ошибок. Инфразвук способен ослеплять, останавливать сердца, разрушать мозг и внутренние органы, разрывать кровеносные сосуды. Неудивительно, что вокруг, в радиусе нескольких сотен метров, ни души – даже когда «пугачи» выключены. Все живое давно привыкло сторониться территории затворников – на ранних стадиях экспериментов в округе частенько оставались трупы. А иногда приходилось включать «пугачи» и против людей, как в той маленькой войне со сбродом с Печатников. Много было трупов, но зато отвадили желающих от дармовой кормушки надолго, а может, и навсегда. Людские потери в эти поганые времена восполнить очень трудно, практически невозможно – люди не кролики, так быстро не размножаются, и чем меньше остается здоровых мужчин, способных выживать на поверхности, тем в большей они цене. И тем реже метрошники рискуют жизнью, сдавая позиции профессионалам – к примеру, бродягам, привыкшим здесь, наверху, не просто выживать, а жить. Несколько лет назад именно Поляков встретил и привел бродяг к убежищу, чтобы наладить торговлю – сами бы они сюда не сунулись, давно прокладывали маршруты как можно дальше от смертельно опасного района.

Караванщики...

Нет, караванщики им не помогут.

Уже пробовали на прошлом обмене договориться, не вышло. Никогда не берут чужих. Тем более – «топтунов», тех, кто не умеет правильно ходить на поверхности. Они привыкли рассчитывать друг на друга, а слабое звено – угроза для всего отряда, и тут хоть золотые горы сули, караванщики будут стоять на своем. Чужак в отряде – по-любому не к добру. Не будет удачи.

Понять-то их можно, но простить этих гадов, отказавшим людям в помощи – не дождутся.

Сергей, хотя и выбирался из бункера не часто, сталкерствовать умел. Но уходить с женой и дочерью – это уже, как говорится, совсем другая разница. Хотя дочь неплохо обращалась с оружием, метко стреляла и умела действовать быстро, без раздумий, для поверхности этого мало. А жена, Майя, женщина простоватая и рассеянная, на поверхности и вовсе может стать обузой.

Караванщики и не подозревали, что на сегодня уже самое главное для будущих беглецов сделали – просто появившись в назначенное время. Ничто не говорило, что они успели поучаствовать в стычках со зверьем – предельное спокойствие, собранность и абсолютно целое на вид снаряжение. А значит – ночь спокойная. К тому же, по характеру заказа, дальше они явно отправятся в метро. Ведь не обязательно идти с ними. Можно схитрить, пойти следом, по проторенному маршруту...

Когда отпущенные полчаса отдыха начали истекать, Фи отстегнула ремни маски, сняла ее, вдохнула свежий морозный воздух полной грудью. Повернулась к отцу с заранее отчужденным выражением на лице. Заговорила тихо, почти одними губами, чтобы не донеслось до ушей бродяг:

– Па, что ты решил?

– Сговорились с матерью... За моей спиной...

– Ты сам нас вынудил. Ты не хотел меня слушать. Храмовой тебе дороже семьи.

– Мы слишком многим ему обязаны. И ты это знаешь не хуже меня.

– Хватит, отец. Мы не его рабы. И имеем право на собственную жизнь. Ты с нами? Или пойдешь к Храмовому и заложишь нас?

Лицо Полякова предательски дрогнуло. Ничего не хочет слушать. Вся в него. Не характер – упругий стальной прут. Ни согнуть. Ни сломать. Только убить. Пальцы на прикладе «Вепря» занемели от напряжения, но он сдержался. Сдержался, чтобы не рывкнуть дочери что-нибудь злое и обидное.

– Ты знаешь ответ.

Фиона кивнула отцу и пошла к караванщикам.

Услышав звук шагов, со скамьи поднялся Первый, обернулся навстречу, козырьком ладони прикрывая глаза. Прожектора никто ведь и не думал отключать. Ничего, бродяги уже привыкли к такому приему. Зато все как на ладони – если рыпнутся, крепко пожалеют. Перебросившись с девушкой несколькими короткими репликами, Первый кивнул своим, и те начали собираться. Закинули рюкзаки на спины, поправили маски, проверили оружие. Затем Фи выпроводила их за дверь и накрепко заперла засовы.

Всё, вахта на сегодня окончена. Мороженые туши заберут и без них. Поляков нащупал хитро спрятанную сбоку от входа в бункер кнопку электрического звонка, о существовании которой знали только свои, несколько раз коротко нажал, подавая условный сигнал. Они тут все давно параноики. Зато пережили многих, кто подобной осторожностью не обладал.

Щелкнул, размыкаясь, дистанционный замок двери.

Привычно миновав несколько пересекающихся коридоров первого подземного этажа, едва освещенных редкими и слабыми лампочками, Сергей и Фиона добрались до лестницы, ведущей еще ниже, и спустились в жилой сектор. Ненавистные маски сняли сразу, как только покинули двор, – их носили больше для порядка, чем по необходимости, так как счетчик Гейгера в окрестностях давно молчал. Да и лица от холода неплохо защищали.

Еще одна дверь – тоже стальная, с осыпающейся шелухой старой краски. Шлюзовая камера. Последние года три ее уже не использовали по назначению. Поляков несколько раз ударил прикладом «Вепря». Несильно, просто подал сигнал.

Петли заскрипели, в распахнувшую дверь выглянул завхоз Головин, отступил, освобождая проход. По комплекции Головин напоминал старого гнома из наивных сказок сгинувшей реальности – невысокий, коренастый, круглая голова вдавлена в плечи без малейших признаков шеи, крупные черты лица рельефно подчеркиваются игрой света и тени. Мощный горбатый нос утесом упирается в низкий лоб, маленькие бесцветные глазки подслеповато шуряются на окружающий мир из-под кустистых бровей, мясистые губы кривятся в вечной брезгливой гримасе. Портрет завершала лохматая седая шевелюра вкупе с короткой неряшливой бородкой, словно плесневая поросль неровными островками обтягивающая широкие скулы. А еще от него, мягко говоря, пованивало. Никто не знал, моется ли он вообще, но одежда на нем всегда была неизменной – засаленная до предела телогрейка, из дыр которой торчали бурые клочья ваты, и такие же заношенные ватные штаны. И ничего хорошего в этом гноме, кстати, не было.

Та еще сволочь.

Молчаливый и замкнутый, Головин за свою рабскую преданность Храмовому давно заработал кличку Пятницы, а Храмовой, соответственно, по эстафете получил Робинзона.

Они ведь тут в бункере и в самом деле, как на необитаемом острове, усмехнулся Грешник. Никто не может к ним подступиться без согласия хозяев территории. Жизнь течет неспешно, серые дни похожи один на другой. Мелкие текущие заботы скрашиваются книгами из библиотеки, нахапанными из бывшего технологического колледжа по соседству. Впрочем, большинство затворников давно уже ничего не читают. Непонятно, что вообще творится у них в головах. Не люди – тени. И внешний мир их мало интересовал.

– Все в порядке, забирай товар, – проходя мимо, скупно бросил Поляков Головину.

– Заказ на следующий раз тот же, – сухо добавила Фиона, не удостоив завхоза, которого она терпеть не могла, даже взглядом.

– Грешник, – едва слышно проскрипел сзади Пятница.

Поляков, продолжая думать о своем, машинально обернулся. Завхоз пошамкал пельменями губ, будто силясь собрать разбегающиеся мысли. Вспомнив, кашлянул и добавил:

– Зайди к Робинзону.

– А я, по-твоему, куда направляюсь?

– Зайди, – упрямо нахмурился старик.

Поляков удивленно вздернул бровь, но переспрашивать не стал, зашагал дальше. Что-то завхоз сегодня слишком разговорчив. Обычно за неделю и слова не услышишь.

На ближайшей развилке Грешник с Фионой разошлись.

– Иди, готовься, я скоро, – негромко напомнил Поляков, предварительно посмотрев по сторонам, и убедившись, что их никто не подслушивает.

– Хорошо, па. – Дочка напряженно улыбнулась.

Грешник редко испытывал такие ненужные в нынешней реальности чувства, как жалость или сострадание, но сейчас, при взгляде на дочку, непривычно резануло по сердцу. Все-таки стареет. Становится сентиментальным. Как только Фи скрылась из виду, канув в темноту, Поляков еще раз огляделся. Экономил не на лампах, на складе этого добра навалом – на электричестве. Вытащил из ножен на бедре нож с широким клинком лепестковой формы – любимый «Каратель», когда-то доставшийся в наследство от погибшего фээсбэшника. Подцепил пальцем тянувшийся по стене провод, вытянул его немного из уходящего в кирпич канала. Аккуратно, чтобы не замкнуть, разрезал изоляцию между жилами, затем резким движением перерезал одну из них и утопил провод обратно в канал.

Пути отхода нужно готовить заранее.

Если в бункере спохватятся и врубят «пугачи» до того, как беглецы выйдут из зоны поражения, то в окрестности появятся три свеженьких трупа. В зависимости от того, какую частоту для казни выберет Робинзон – или взорвется сердце и полопаются кровеносные сосуды, или превратится в разжиженную кашу мозг. Спрашивается, на хрена им такие перспективы?..

А ведь когда-то Грешник сам сконструировал «пугачи» из подручных материалов. Да еще и Фи научил, чтобы помогала обслуживать главное оружие защиты бункера. Вот такая, греби ее коромыслом, ирония. Впрочем, это знание помогло ему и сейчас – он хорошо знал схемы электропроводки по всему убежищу, сам устанавливал и обслуживал. Как-никак бывший радиолюбитель. Пригодилось хобби далекой юности. Вообще, интересная тема. С инфразвуком Сергей экспериментировал еще до Катаклизма, а началось знакомство с этим явлением и его применением на практике с простейшего поиска в Google по ключевым словам. Помнится, как он был удивлен, насколько все это просто, и что можно слепить устройство буквально на коленке, владея элементарными навыками радиолюбителя... У тех устройств, что сейчас защищали бункер, конечно, давно уже не такие примитивные схемы, как те, что он нашел в интернете. Черт, как же давно это было. Google, Яндекс, Rambler... Когда-то такие обиходные, а сейчас мертвые, не несущие ни малейшего смысла названия поисковых интернет-систем...

Раздраженно тряхнув головой, Сергей быстрым шагом двинулся дальше, в северную часть убежища. Он действительно собирался на доклад к Храмовому, сейчас все нужно делать по обычному сценарию, незачем привлекать лишнее внимание. Странно, что завхоз ему об этом напомнил. Никак что-то случилось? Или у начальства все-таки возникли какие-то подозрения насчет своего преданного палача? Нет, это вряд ли. Разве что Майя... В дочке он был абсолютно уверен – слова лишнего не обронит, а вот с языка жены, хоть и предупредил, чтобы поменьше болтала, без всякого злого умысла могло что-нибудь сорваться.

Не дай бог, конечно.

Облупившаяся, осыпающаяся краска на стенах коридоров, запертые помещения, тусклый свет и затхлая вездесущая пыль, от которой першит в горле. Шаркают подошвы по выкрошившемуся бетону. С души воротит от всего, что попадает на глаза... а ведь как-то привык. Привык-то привык, но как выпадала возможность выбраться на поверхность – с радостью за нее цеплялся, подышать свежим воздухом, ощутить запахи настоящей жизни – хотя бы и внутри забора. Увидеть пусть и рассеянный, но настоящий лунный свет. Маленькие радости дерьмового существования.

Вот, к примеру, работа палача... это ведь тоже для души. Выпустить пар, разрядить постоянно копившееся внутри, сводящее с ума нервное напряжение. Хобби. В любом коллективе всегда нужен такой человек – сделать то, на что у других рука не поднимется. В молодости из-за этого едва не загремел по весьма неприятной статье – бес попутал скорешиться с нациками. Подвернулся им тогда ночью тот азиат под руку – компании из крепких ребят, ищущих адреналина после нескольких литров пивка. «Гость столицы» скончался в ближайшей больнице с проломленным черепом, пару отморожков менты схватили по горячим следам, а Поляков, моментально протрезвев, ушел, петляя по дворам и переулкам. Его не выдали, и он постепенно отошел от общих дел с «санитарами улиц». Устроился на работу в офис компьютерной фирмы, женился, родилась дочь, зачастил на дачу тещи с ее вечными сезонными хлопотами...

На какое-то время убийца в душе Полякова затих, затаился...

А потом мир перевернулся.

В один обычный, не предвещавший ничего особенного день он, жена и трехлетняя дочь после кинотеатра всей семьей добирались домой в метро. У Полякова выдался выходной, жена сидела на больничном после гриппа, вот и решили выбраться на прогулку. Тогда все и началось...

Один роковой день – рубеж разных эпох, словно дамоклов меч разбудивший жизнь на «до» и «после». Ничего привычного не осталось – социум развалился, законы и правила испарились вместе с породившим их обществом в пламени ядерных ударов по столице. И настало время волков и шакалов, гиен и львов, настало время силы и жестокости, время бесчеловечного беспредела. Убей, чтобы не убили тебя. Отними еду, чтобы не сдохнуть с голоду. Проломи исподтишка голову тому, кто нашел оружие и снаряжение для защиты от радиации – чтобы не искать самому, рискуя здоровьем и жизнью. Талант Полякова раскрылся в полной мере – талант защищать себя и свою семью, не считаясь ни с чем. Талант сворачивать шеи и пробивать головы тем, кто становился на его пути. Неудивительно, что и Фиона выросла волчонком – глядя на методы выживания папаши, волей-неволей многому приходится учиться и ребенку. Перенимать поведение. Выжил – значит, победил. Промедлишь из-за сомнения или жалости в решающий момент, не нажмешь на спусковой крючок – и проигравшим станешь ты. Окончательно.

Именно тогда и закрепились за ним эта говорящая кличка – Грешник.

Три года спустя, когда в метро все еще царил хаос по переделу собственности, Поляков встретил Храмового – бывшего директора компьютерной фирмы, где Сергей до Катаклизма работал менеджером в отделе продаж. Храмовой вербовал людей в свою колонию, организованную на поверхности, да только мало кто решался идти с ним в пугающую до дрожи неизвестность. Как раз начали распространяться слухи о появлении жутких мутантов, словно мало было чудовищной разрухи и губельной для всего живого радиации. А Грешник поверил, ушел, увел свою семью. Слишком уж много к тому времени было крови на его руках, слишком многих он разозлил, настроил против себя. Не прогадал. Семнадцать лет он с семьей прожил, не нуждаясь ни в чем – еда, оружие, одежда, снаряжение, более-менее комфортные условия существования, даже «квартирка» из двух комнат под землей – мало кто мог себе такое позволить в метро.

А теперь настал момент, когда в убежище для него снова стало тесно. Пора было возвращаться в «большой мир», где давно уже все обустроились, поделили территорию и собственность, восстановили хотя бы видимость закона и порядка. И где сейчас наверняка было не так психологически душно, как в бункере, обитатели которого, что называется, варились в собственном соку, сходя с ума от безнадежности существования, зверея от безделья и пугающей перспективы полного вымирания...

А те, кто знал его по прошлым грехам, или сгинули за эти годы, или наверняка все забыли.

Да, Фи права.

Ему снова придется спасать свою семью. Решение, навязанное волей Фионы, наконец окрепло в душе, как собственное.

Так будет правильно...

Грешник как раз проходил мимо общей столовой, когда учуял запах разогретого на сковородке жира. Опять кому-то не терпится продегустировать свежее мясо, доставленное бродягами, вот и полуночничают вместо сна. По идее, следовало зайти и разогнать всех по норам. Но мысленно он уже покинул убежище, сложив с себя обязанности начальника охраны...

Далеко уйти не успел – услышал приглушенный голос жены. Выругавшись, вернулся, зашел в хорошо освещенную столовую. Не показалось – возле ряда из трех электроплит и впрямь хлопотала Майя. В сторонке, за разделочным столом, испещренным отметками тесака, сидел Витя-Боров – вполне соответствующий своему прозвищу дородный пузан преклонных лет. Поверх когда-то синего, а сейчас застиранного до серости халата – грязный фартук, на голове сплюснутый в блин поварской колпак, руки-окорока лениво перелистывают страницы из кипы древних газет, глаза-щелочки подперты мясистыми щеками. Любимое занятие – разгдывать выученные наизусть старые кроссворды. У всех в башке, как говорится, свои тараканы.

Снова выругавшись про себя, Грешник быстро осмотрел кухонное помещение, затем молча подошел и выключил плиту. Повар, оторвавшись от газет, поднял на Полякова недоумевающий взгляд.

– Не спится, Боров? – буркнул Грешник. – А ты что здесь делаешь, Май?

Жена растерянно замерла. Время ее не пощадило: худая неопрятная старуха с морщинистым лицом, поседевшая раньше срока от пережитого за эти годы. Женщина, в которой лишь памятью молодости Поляков угадывал прежнюю большеглазую стройную красавицу. Вместо когда-то любимой до безумия подруги – лишь ее блеклая тень. Ну, какая уж есть.

– Так... мое же дежурство на кухне, – пролепетала Майя. – Витя приказал...

– Ты ведь плохо себя чувствуешь, – с непроницаемым лицом подсказал Сергей отмазку. – Иди домой, тебе отлежаться надо.

– Да как же отлеживаться, Сережа, нам же в дорогу...

Поляков окаменел – и лицом, и телом. Все-таки ляпнула. Иногда ему казалось, что она делает это специально. Хотелось ударить жену по лицу, закрыть ей рот пощечиной, но слово-то уже вырвалось. Застарелая ярость вспыхнула в груди, сжигая и без того обугленную давними воспоминаниями душу. Майя не всегда была такой дурой. И если бы он мог того подонка, который с нею это сотворил, убивать снова и снова, каждый божий день, он бы это делал, не задумываясь. Обстоятельно, неторопливо, с чувством исполняемого долга, с огромным удовлетворением. Но подонки давно мертвы, а воскрешать людям не дано даже ради праведной мести.

– Иди домой, – сквозь зубы процедил Грешник. – Не спорь.

До Майи все-таки дошло. Ее и без того пергаментное лицо побледнело, как снег наверху.

– Да, да, Сережа, я поняла, уже бегу.

Она неуклюже выскочила из кухни, хлопнув дверью.

– Не понял, – Боров удивленно приподнял брови. – Вы это о чем тут говорите? Какая еще дорога? Тебя Робинзон куда-то посылает, что ли?

Грешник и не надеялся, что обойдется без вопросов. Стрелять нельзя, поэтому он отложил оружие на плиту. Жаль, Боров – один из самых безобидных придурков в бункере. Его и убивать-то не за что. И готовит хорошо. А сколько раз разговаривали по душам в полуночные часы, когда больше никто не слышал – с чистым, как слеза самогоном и нехитрой закуской...

– Ты что, Майю не знаешь? Вечно какую-нибудь чушь брякнет.

Тяжелая сковородка взлетела с плиты, разогретый жир выплеснулся и рассерженно зашипел на полу. Боров, хотя и попытался отшатнуться от удара, не успел – подвела массивная комплекция и малоподвижный образ жизни. Мерзко хрустнул череп, глаза повара закатились, тело завалилось набок и грузно упало на пол. Аккуратно поставив орудие убийства обратно на плиту, Грешник быстро огляделся. Так, куда же этого хряка... в морозильник нельзя, сейчас завхоз с помощниками притащат мясные туши, сразу обнаружат...

Он подтянул Борова к стенке возле плиты, приподнял и шаркнул раной на голове о грязный кафель, размазывая кровь. В толстую лапу повара вложил ручку сковородки. Ну, споткнулся человек, упал, расшиб голову. Бывает. Старость не радость. Внимательно осмотрел пол возле стола, растер подошвой ботинка капли крови, превратив их в грязные кляксы.

Через минуту он остановился возле жилища шефа.

Вторгаться с огнестрельным оружием к Храмовому было строжайше запрещено, возле входа даже специально тумбочка стояла – Грешник положил на нее «Вепря», проверил, на месте ли «Каратель». Ничего, если что, и ножик можно в дело пустить. Когда-то здесь и охранники дежурили, сменяясь каждые четыре часа, но Храмовой и это отменил, не доверял никому. Теперь о посетителях заранее сообщали установленные в коридоре датчики движения.

Чувствуя непривычное волнение, Сергей глубоко вздохнул и, постучавшись, вошел.

В ноздри ударил ароматный запах табачного дыма, дохнуло теплом хорошо прогретого воздуха.

Сразу за дверью располагался рабочий кабинет Робинзона, где он принимал посетителей. Яркая люстра под потолком освещала хорошо обустроенное помещение – начальство могло себе позволить любую роскошь, а расход энергии Робинзон для себя не ограничивал. На стенах, отделанных панелями песочного цвета, висели картины художников прошлого, полки застекленного книжного шкафа у правой стены пестрели корешками разнокалиберных бумажных томов. Пол застилал ковролин – хоть и порядком полинявший, но все еще пестрый, весь в рисунках давно исчезнувших цветов и зверей. На многочисленных полочках между картин – разные декоративные безделушки и горшки с геранью, фиалками и кактусами, а в большой кадке в углу даже чахнул разлапистый фикус. Не кабинет, а прямо оазис былой цивилизации. Боковая дверь справа вела в спальню, слева к основному помещению примыкал шикарный бар, совмещенный с кухней. В общей столовой Храмовой никогда не появлялся – да и зачем, если у него здесь и так все устроено по высшему разряду?

Утопая в мягком кожаном кресле, хозяин кабинета восседал за стильным компьютерным столом сложной конфигурации, с полочками и ящиками под разные повседневные причиндалы и канцелярские принадлежности. В правой руке Робинзона – сигара, из которой вьется сизый дымок, левая придерживает на колене стакан чая в подстаканнике. Глаза полужакрыты, на лице – выражение безмятежной отрешенности. От ушей, заткнутых наушниками-вкладышами, к нагрудному карману, где прячется флэш-проигрыватель, тянутся тонкие проводки. На специальной надстройке столешницы – распахнутый ноутбук. Храмовой любил убивать время на нежно любимый «маджонг».

Старше Полякова на несколько лет Робинзон все еще выглядел моложавым франтом. Холеное, с идеально правильными чертами лицо чисто выбрито, длинные черные волосы без единой седой пряди стянуты в хвост под затылком. Верхние пуговицы светло-серой рубашки расстегнуты до пупа, приоткрывая жилистую грудь, – спортзал, оборудованный в одном из помещений убежища, он посещал ежедневно, в отличие от бесславно почившего Борова. Из-

под нижнего края стола видны лакированные кожаные туфли и небесно-голубые края джинсов. Одежды на складе и в самом деле завались, Робинзон мог себе позволить постоянно щеголять в обновках. Остальные затворники обычно занашивали вещи до дыр, прежде чем получить от завхоза новые. Или принимали в пользование после Храмового, который подобным франтовством словно пытался продлить ускользящую молодость. Но как ни наряжайся, а все-таки возраст сказывался и на нем – глубокие морщины на лице и шее, темные мешки под глазами, нездоровый цвет лица, обезображенного все сильнее проступающими пигментными пятнами – все это никуда не спрячешь, не затрешь выдохшимися кремами и лосьонами, не перекрасишь, как волосы.

Поляков почти бесшумно прошел по гасившему шагу ковровину.

Замер возле стола, кашлянул.

Храмовой вздрогнул, словно только сейчас заметил посетителя, распахнул глаза шире, сверкнув выпцветающей синевой, губы сложились в привычную надменно-ироническую усмешку. Не надоедает ведь играть, хотя всем давно известно, что врасплох его застать невозможно. Под столом в специальных петлях крепится парочка дробовиков, при желании любого вошедшего Робинзон мог встретить сдвоенным залпом картечи, а выжить с развороченным нутром весьма проблематично. И был как-то случай – встретил. Еще лет десять назад. Один шустрый лейтенант из почившего вместе со всеми госструктурами ФСБ, затесавшийся в колонию, решил взять власть в свои руки, подначил парочку ребят и явился свергать Робинзона. Даже вахтенного склонил на свою сторону. Самоуверенный вояка и не подозревал, что отправился напрямик на подготовленную бойню. Робинзон прямо тут, в дверях, на минутку оторвавшись от очередной сигары и маджонга, нашпиговал всех троих свинцом. А Грешник, просчитавший заговор, подсобил с тылу – тихо вышел из комнаты через коридор напротив кабинета и выстрелом в упор разнес затылок предателю-вахтенному, который растерялся так, что никак не мог решиться – то ли сдаваться, то ли бежать. Ни то, ни другое он не успел. В тот день трофейный «Каратель» фээсбэшника достался бывшему представителю «офисного планктона», а женщины колонии долго и усердно отмывали кровь с коврилина, потратив на наведение маршфета несколько пачек почти выдохшегося от времени «Vanish».

Люди после этого инцидента прониклись к Робинзону глубоким уважением, густо замешанном на крови и страхе. Ради этого, собственно, Храмовой и позволил карьеристу добратся до кабинета. Ведь можно было прикончить по-тихому, но раз выпала такая оказия, раз и навсегда закрепить авторитет, то грех ей не воспользоваться. В этом весь Робинзон – крайне предусмотрительный и расчетливый мужик. И опасный своей непредсказуемостью. Сколько лет его Грешник изучал, а до сих пор не мог с полной уверенностью сказать, что у того на уме. Понятно только одно: Робинзону нравилась власть. Он любил и умел руководить – это он понял еще до Катаклизма, успешно развивая свою компанию по торговле компьютерными комплектующими и аксессуарами. Теперь же бессменно руководил колонией второй десяток лет, с легкостью пережив единственное серьезное покушение.

– Ну, наконец-то явился, – обронил Робинзон, как-то по-особому взглянув на старого приятеля.

«Вдруг история в столовой – некая проверка? – мелькнуло в уме Грешника, внешне сохранившего привычное каменно-мрачное выражение лица. – Если это так, то из этого кабинета есть шанс живым не выбраться. Что ж... двум смертям не бывать, а одну я, может, еще и миную. Не впервой».

– Бродяги свалили, заказ не поменяли, – доложил Грешник, старательно делая вид, что все идет как обычно. Руки у него после убийства повара и впрямь не тряслись, привычка к душегубству сейчас работала на него. – Похоже, совсем туго у них с патронами, вот и ходят к нам за вещичками, которые пользуются спросом в метро. А уж там патронов немеряно, один только Бауманский Альянс со своими производствами чего стоит...

– Забудь про бродяг, Серёга, – согнав с лица расслабленность и враз посерьезнев, Робинзон со стуком водрузил подстаканник на столешницу, сигару бережно положил на специальную подставку из слоновой кости, пружинисто поднялся. Выдернул из ушей наушники и аккуратно сложил в карман. – Иди-ка за мной. Есть у меня к тебе дельце поважнее забот о бродягах.

Они прошли в спальню, где Робинзон жил с младшей сестрой Анастасией. То, что Робинзон с сестрой еще и спал, и от их противоестественной связи родился ребенок, уже мало кого волновало, а слишком болтливые и злые языки давно укоротили. Буквально. Для «Карателя» Грешника и здесь нашлось дело. Двое немых живы до сих пор – те самые помощники завхоза, Жердьяй и Увалень.

Широкая двуспальная кровать, накрытая цветастым бежевым пледом, платяной шкаф, широкая тумбочка для постельного белья, журнальный столик, полочки под всякую бытовую мелочевку, мягкий рассеянный свет настенных бра. «Уютно, черт побери, – в который раз невольно оценил Грешник, бывавший в спальне начальства лишь в те моменты, когда нужно было что-нибудь отремонтировать из электрики. – Умеет Робинзон устраиваться. За счет всех остальных».

– Полюбуйся.

Робинзон небрежным движением отдернул ширму, за которой скрывалась узкая койка, со спящим пацаном.

Грешник невольно стиснул зубы. Твою же мать...

Ему сразу стало жарко, а воздух показался спертым, неживым. Он стянул с головы вязаную шапку, расстегнул молнию на куртке. Андрей, Андрюшка. Ему же всего восемь лет... Русые волосы, длинные, как и у отца, разметались по потемневшей от пота подушке, лицо бескровное, дыхание тяжелое, прерывистое. Сухие губы потрескались от обезвоживания. Запавшие глаза закрыты, но видно, как резко, интенсивно вращаются белки под тонкими, почти прозрачными от болезни веками.

Зло в чистом виде уже давно поселилось в бункере. Несколько лет назад оно тихо прокралось за надежные стены, которые не смогло взять штурмом ни мутировавшее зверье, ни озверевшие банды. Проникло и затаилось, осматриваясь, выбирая будущих жертв. А потом принялось за черное дело...

Вот поэтому Фи и решила уйти – из-за странной роковой болезни, которая может поразить любого в самый неожиданный момент, но чаще поражала детей. Новые давно уже не рождались, а те, что были, умирали. Один за другим. В убежище имелся врач, но знания Костолома оказались бессильны. От болезни не было спасения, и исход был всегда один – мучительная смерть. Любого, кто заболел, на кого падало лишь подозрение, что в самом деле подхватил «заразу», а не обычную простуду, помещали в отдельное помещение на карантин. И как только диагноз подтверждался... Едва увидев, насколько нечеловечески жутко искажался облик зараженного, Робинзон без малейших колебаний ввел новое правило – инфицированный уничтожался, родственники к похоронам не допускались. От трупа избавлялась команда из проверенных людей, умеющих держать язык за зубами – выносили и оставляли на поверхности. «Лишняя паника в убежище ни к чему хорошему не приведет», расчетливо и дальновидно решил глава Убежища.

Конечно, такие изменения происходили не со всеми зараженными, нередко дети просто умирали, измученные «заразой», но оставаясь самими собой. Да только исключений из утвержденного раз и навсегда правила уже не было. Именно эту тайну затворники старались сохранить всеми силами – болезнь, которая медленно, но верно пожирала людей год за годом. Именно по этой причине и контакты с миром сведены к минимуму – Храмовой, обладая маниакальной подозрительностью, опасался, что если о них станет известно, как о носителях болезни, то их уничтожат другие, хотя бы из инстинкта самосохранения. И неважно, кто будет их палачом – бродяги или люди из метро.

Глядя на этого обреченного пацана, Грешник впервые в жизни почувствовал, что убийствами сыт по горло. Бог не дал Полякову сына, и мальчишка Храмового всегда был ему симпатичен – немало рассказов о прежней жизни Андрюшка услышал от обычно неразговорчивого начальника охраны убежища. Чувствуя расположение, и пацаненок тянулся к Полякову не меньше, чем к отцу...

Так вот почему он ни разу не видел пацана за последнюю неделю, заходя к шефу, запоздало осенило Полякова. Как же несправедливо... Несправедливо, что этим ребенком, как и другими, придется заняться именно ему, Грешнику. Недаром же отсутствует его мать. Робинзон, готовясь к визиту палача, предусмотрительно усладил сестру с глаз долой. Женщина, наверное, сидит у подруг. А те, небось, сочувствуя лишь для виду, втайне злорадствуют, что и семью самого тоже не миновала страшная участь. Нет, скорее всего Анастасия, или Настя-Язва, как ее называли за глаза гораздо чаще из-за желчной натуры, способной любому испортить настроение парой неприятных и весьма умело подобранных слов, сейчас торчит в оружейке. Она ведь помещена на огнестреле. Хозяйственных хлопот у нее нет и никогда не было, даже в квартире убирают и наводят порядок приходящие бабы. Так что Язва наверняка прямо в данную минуту с маниакальным усердием разбирает и чистит автомат, и лучше ей дорогу сейчас не переходить, чтобы не схлопотать очередь в живот. Эти Храмовые – та еще семейка.

– «Зараза»? – угрюмо уточнил Грешник, не глядя на Робинзона. – Точно «зараза»?

– Да, – резким, сухим голосом ответил отец мальчишки. – И вот что ты сделаешь...

– Сделаю аккуратно, ты меня знаешь. – Поляков выудил из кармана куртки проверенную временем удавку из черного синтетического шнура.

– Убери! – Робинзон вдруг пришел в ярость, его глаза налились кровью, губы раздвинул звериный оскал. Казалось, еще чуть-чуть, и он вцепится начальнику охраны прямо в глотку, вырвет зубами кадык. – Убери, пока я тебя самого не пристрелил, урод!

Шнур так же быстро, как и появился, исчез.

– Выйдем, – сквозь зубы процедил Храмовой, после чего бесцеремонно вытолкнул Грешника из спальни и плотно затворил дверь. Возле стола он с недюжинной силой вцепился в плечо начальника охраны, развернул его к себе лицом, уставился в глаза тяжелым немигающим взглядом.

– Вот что, Серёга... Думаю, как отец отца, да и как мужик мужика, ты меня поймешь... Как думаешь, сумеешь догнать бродяг?

Поляков удивленно вздернул брови, спокойно выдерживая взгляд «вечного» начальника. Дошло, что Храмовой задумал. Тот устанавливал правила проживания в убежище, он же их и нарушал, когда это ему было необходимо. Вот так оно и бывает. С чужими детьми он не колебался, а собственного сына пускать под петлю не захотел. Все познается в сравнении, да, Робинзон? Однако, это действительно к лучшему. Вот и оказия появилась – выбраться из убежища без стрельбы.

– Возможно, – осторожно кивнул Грешник, надеясь, что мысленная усмешка не отразилась на его угрюмом лице. – Снег все еще падал, когда я уходил, но после бродяг дорога должна быть протоптана – только слепой не увидит. Главное – поторопиться, пока следы не занесло.

– Хорошо. Настя сейчас у Костолома, обсуждает, что из лекарств может понадобиться. Сам знаешь, всего у нас навалом, а с аптекой не повезло. Отправляйся к себе и собирайся в дорогу. Список получишь у охраны на выходе.

– Паш, – Сергей доверительно понизил голос, – ты ведь знаешь, что опыта для прогулок по поверхности у меня не так уж много. Может, надежнее дать задание караванщикам в следующий заход?

– Забыл, сколько у нас времени? – Робинзон нехорошо прищурился. Возражений он не терпел, даже завуалированных под уважительные причины.

После небольшой заминки Грешник медленно наклонил голову, соглашаясь. Судя по тому, что творилось с пацаном, – трое суток, от силы – пять. Но и вопрос был задан лишь для виду. Если согласиться сразу и с явной охотой, то можно вызвать нездоровые подозрения.

– Ты прав. Да и нельзя чужакам доверять наши проблемы. Я все понял, Паш. Сделаю в лучшем виде.

– Ты, главное, дойди. И вернись. Это не увеселительная прогулка, сам понимаешь. Кого с собой возьмешь?

– А много ли у нас ходоков? Сам пойду. Один. Никто лучше все равно не сможет, а мне возиться с неучами некогда.

Робинзон с чувством хлопнул ладонью по плечу Полякова:

– Дело говоришь. Все, не задерживаю. Удачи, Серёга!

– Удача мне понадобится, – кивнул Грешник, торопливым шагом покидая кабинет и думая о том, что зря отправил к праотцам Борова. В свете полученного приказа неосторожная реплика жены теперь звучала совершенно безобидно. Вот только рука палача не знает полумер.

Само собой получилось.

Глава 2

Стая

Сталкер заглянул из коридора в кухонное помещение, замер, по-особенному прищурился – не столько глазами, сколько внутренне. И мир неторопливо проявился причудливой картиной, сотканной из различных тепловых оттенков. Ночной мрак для Дмитрия Сотникова с недавних пор перестал быть серьезным препятствием. Из-за холода, царившего на поверхности города, картина сейчас была бедновата на подробности, но все равно деталей больше, чем при обычном зрении – различные материалы и свет отражают по-разному. Если снять очки-полумаску, закрывавшие верхнюю часть лица, то станет видно чуть лучше. Но хотя дозиметр в кармане пощелкивал тихо и неопасно, глаза все-таки следовало поберечь, мало ли какая дрянь может оказаться в этой квартире. Нижнюю часть лица плотно обнимал респиратор – к такому решению, очки и маска, он пришел недавно. Из-за новых особенностей зрения нередко требовалось дать свободу глазам, а дыхательные пути при этом оставались защищенными.

Развалившаяся кухонная мебель давно стала грудой хлама на полу, из которой ржавым айсбергом выпирал корпус газовой плиты. Ничего ценного. Димка уже хотел повернуться и уйти, но какой-то внутренний толчок заставил еще раз скользнуть взглядом по стене справа. Как же он сразу не заметил... Светлый кафель выше мусорной кучи был густо забрызган черными вязкими кляксами, в которых сталкер безошибочно угадал застывшую кровь. Собственное дыхание сразу показалось слишком громким, а царившая в здании тишина – звенящей от напряжения. Он постоял несколько секунд, не двигаясь, словно впитывая пространство этого помещения в себя. Ничего не менялось. Чертовы страхи. Мгновенный испуг погас, бесследно растворился, Димка снова был спокоен и собран. Немедленной угрозы нет, иначе он бы почувствовал. Должен был почувствовать. И все же здесь что-то есть... Что-то темное, губительное... Возможно, он просто уловил отпечатавшиеся в стенах, словно на фотопленке, отголоски смертной ауры тех, кому здесь не повезло.

– Ну что там, Димон? – донесся из коридора приглушенный респиратором голос Каравая.

– Пока не заходите, осматриваю. Тут что-то есть, понять бы еще – что именно.

– Ладно. Мы с Соленым пока позагораем. Все ноги уже оттоптали, пора и отдохнуть. Как думаешь, может, пора уже заканчивать со всей этой фигней и топать домой?

Не отвечая, Димка медленно ступил на территорию кухни, внимательно изучая все, на что падал взгляд. В углу, поверх обломков раздавленного стола – искореженный короб вытяжки. Россыпь на полу мелких предметов утвари. Ботинок ткнулся в гулко отозвавшийся бок ржавой раковины, валявшейся посередине кухни.

Теперь картина разрушения предстала иначе. Кухня развалилась не сама по себе. Сколько они таких уже за сегодня видели – все ценное вынесено, остальное мирно догнивает на прежних местах. А здесь все разгромлено какой-то неистовой силой. Его группа уже успела безрезультатно прошерстить десяток квартир в многоэтажке возле Автозаводской, неужто наконец они попали на следы своих поисков? Теперь стали видны перемешанные с мусором и обрывками одежды кости. Человеческие. Недалеко от костей в темноте тускло блеснула ствольная коробка автомата с погнутой какой-то безжалостной силой стволом.

Димка отпустил «Бизон», оставив его качаться на переброшенном через плечо ремне, и медленно, непрерывно просеивая пространство своим чутьем, сторожа малейшие шорохи и движения, наклонился и подобрал изувеченный автомат. Замер на секунду, провожая взглядом выкатившийся из потревоженного мусора и уткнувшийся в ботинок человеческий череп. А вон и еще один – укоризненно уставился на человека пустыми глазницами из угла возле газовой плиты. Сухой щелчок извлекаемого из чужого автомата магазина. Тускло и виновато

блеснули латунные цилиндрики патронов. Понятно, воспользоваться оружием люди не успели. Не повезло, бедолагам. Но это – всего лишь останки. То, что принесло смерть сталкерам, уже куда-то сгинуло. Поблизости Димка опасности не ощущал.

А это означает, что поиски придется продолжить.

Что ж, время до рассвета еще есть.

Внезапно нахлынувшее ощущение тревоги заставило его быстро выйти из кухни и, не отвечая на вопросы спутников, пройти в зал, из окна которого со второго этажа открывался вид на Первый Автозаводский проезд. Откинув капюшон, Димка сорвал очки – при дальнем осмотре они только помеха, – и высунул голову из проема. От деревьев, росших на островках газонов вдоль улицы, давно остались пни, а редкие ржавые столбы уличных фонарей обзору практически не мешали, так что пространство неширокой улицы пробивалось взглядом на всю длину.

Так и есть.

Люди.

В дальнем конце улицы, там, где она упиралась в шоссе Третьего Транспортного кольца, показался небольшой отряд. Свет луны щедро отражался от поверхности снежного покрывала, превращая ночную тьму в призрачные сумерки, четко выделяя крошечные темные фигуры на светлом полотне. Расстояние до них – метров триста. Судя по количеству, скорее всего – из «диких» караванщиков. Те всегда ходили хорошо сработанными шестерками, или *сцепкой*, и каждое *звено* отряда – надежный, проверенный в деле компаньон. Эти люди имели большой опыт ходок по поверхности в любое время года, отлично владели оружием, как холодным, так и огнестрельным. Не всякий мутант, встречавшийся на пути, рисковал связываться с подобной боевой группой.

Димке даже почудилось, что он ощутил обеспокоенность и усталость этих людей. А может, и не почудилось. Он в последнее время чувствовал много такого, чего никогда не испытывал раньше. Чаще всего такие ощущения только сбивали с толку, и ум в смятении начинал их отторгать, цепляясь за привычное.

Но ведь караванщики и в самом деле должны были устать.

Еще в конце ноября, после нескольких снегопадов и метелей, сугробы и ветровые наносы до неузнаваемости преобразили рельеф мертвого города. Словно этого было мало, пару дней назад случилась внезапная оттепель – погода нередко выкидывала подобные сюрпризы. Зима быстро спохватилась и вновь нагнала холод, но напакостить оттепель все же успела – подтаивший снег сковало рыхлыми ноздреватыми наледями. Даже в снегоступах приходилось по-особому ставить ногу и дополнительно напрягать мышцы, чтобы сохранять устойчивость при передвижении – из-за навьюченных на спины рюкзаков, нагруженных ценным скарбом. Снаряжение тоже дополнительно сковывает движения, внося немалую лепту в копившуюся усталость. Да еще хруст льда при неосторожном шаге, дробясь множественным эхом в зловеще обманчивой, затаившейся ночной тишине, разносился далеко...

Звук мог привлечь охочих до поживы тварей, с которыми человеку лучше не сталкиваться.

И привлек-таки.

Иногда простор дает безопасность, позволяет заметить врага вовремя. Иногда напротив – если с неба рухнет крылатая тварь, то широкая улица может превратиться в западню. Сейчас же отряду пришлось лавировать среди укрытых снежным саваном остовов ржавеющих машин, беспорядочно разбросанных по полотну дороги здоровенными сугробами. Отряд караванщиков еще не видел преследователей, надежда на скорый отдых грела их сердца, прибавляла сил, но Сотников уже почуял смерть, идущую за ними следом. Засек множество бледно-алых пятен, с такого расстояния почти неразличимых – у любых способностей есть предел.

Вдоль ТТК справа от 1-го Автозаводского проезда, скрытая из прямой видимости массивной коробкой административного здания сложной архитектурной формы, густым потоком текла стая из множества крупных зверей. Далеко вперед вырвался одиночный разведчик – он уже выскочил из-за угла, обогнув заметенный снегом остов машины, и почесал к дороге.

Шестеро человек не справятся с такой стаей. Их нужно предупредить. Но тогда сталкеры тоже ввяжутся в противостояние со зверьем, тихо отсидеться в сторонке не выйдет... Лишние стычки в планы группы не входили, у них другая задача. Но не смотреть же, как тварье жрет людей!

Оттянув пальцем край респиратора, Димка отрывисто выпалил:

– Каравай, нужно вниз, дашь лучом сигнал караванщикам! Мы с Соленым прикроем сверху!

– Каким еще кара...

– Не рассуждай, делай! За ними идут клыканы, а они ни черта не видят!

Вышло грубовато, все-таки сорокавосемилетний Каравай годился в отцы восемнадцатилетнему парню, по стечению обстоятельств назначенному командиром поискового отряда, но сейчас не до сантиментов. Извиниться можно и позже, да и сталкер – мужик с понятием, вряд ли обидится.

– Да нам что, больше заняться нечем? – проворчал вечно чем-нибудь недовольный Соленый, которому перспектива стычки крайне не понравилась. Он тоже подошел к окну и выглянул наружу. – Кого ты там опять спасти решил, доброхот хренов...

– Заткнись! К бою!

Уже не пытаясь соблюдать тишину, Каравай вылетел из квартиры и загрохотал башмаками по ступенькам лестничных пролетов. Несмотря на приличный возраст, двигался он с живостью тридцатилетнего, а богатый жизненный и боевой опыт позволял быстро принимать решения, не теряя времени попусту. Вскоре послышался приглушенный лязг двери, скрытой за углом здания, а затем на углу показался и сам Каравай. Условным сигналом вспыхнул в темноте фонарь.

Не выпуская группу из объектива прицела, Димка увидел, как человек, возглавлявший отряд диких, сразу остановился, резко отвел назад затянутую в перчатку руку с раскрытой ладонью – сигнал «стоп», и упал на колено. Не оглядываясь на живо рассыпавшийся отряд, рассредоточившийся среди снежных заносов и занявший круговую оборону, командир вскинул оружие и уставился в темноту, ожидая повтора.

Димка чертыхнулся. Известны случаи, когда люди сталкивались с мутантами, которые научились имитировать свет сталкерских фонариков специально выработанными для этой цели органами. А бывало, что караванщиков, никогда не ходивших порожняком, элементарно грабили двуногие твари – подонков хватало. Так что осторожность диких понятна, но промедление может им дорого обойтись!

Фонарик Каравая вспыхнул снова. Со своей позиции Димка хорошо видел, как быстрый и четкий световой круг на секунду прожег темноту по часовой стрелке, один, второй, третий оборот. Сигнал – «свой». И тут же – вспышка крест-накрест: «Опасность». Каравай знал свое дело, и понимал, что счет идет уже не на минуты – на секунды.

Но дикие все еще опасно медлили, не доверяя сигнальщику, – один из них, видимо, командир группы – Первый, достал из кармана разгрузочного жилета ночной бинокль, прижал окуляры к стеклу маски. Сперва взглянул в сторону Каравая, торчавшего возле угла здания, затем обернулся, разглядывая позади дорогу. И, видимо, ему очень не понравилось то, что он увидел. Посреди шоссе, там, где группа прошла несколько минут назад, отчетливо виднелся черный приземистый силуэт. Зверь стоял неподвижно, но как только взгляд человека упал на него, поднял тяжелую треугольную голову и коротко взвыл. Затем снова уставился на людей горящими угольями глаз.

«Ну же, соображай быстрее!» – мысленно поторопил его Димка.

Группа караванщиков находилась еще слишком далеко, и угол прицеливания был чертовски неудобным, чтобы поддержать их огнем из окна. Рядом в ухо сопел Соленый, держа автомат наизготовку. Хоть Сереге затея и не нравилась, но в стороне он не останется, поддержит. Нельзя уже не поддержать.

Димка вздрогнул – зверю, застывшему посреди улицы, откуда-то из-за большого строения справа донесся ответ. Длинный, заунывный вопль, преисполненный раздирающей тоски, взвился среди полуразрушенных зданий, растекся по небу – квинтэссенция жалобы о вечном полуголодном существовании. К нему присоединился еще один, не менее голодный и злой. А затем воздух улицы буквально всколыхнул густой, леденящий душу многоголосый хор. Судя по мощи «охотничьей песни», приближалась свора, с которой лучше не сталкиваться даже хорошо вооруженному каравану.

Командир караванщиков вскочил, разворачиваясь к тому, кто их предупредил. Ночной воздух снова прорезал свет фонаря, вычертив еще один предупреждающий «крест». За крестом последовала быстрая «восьмерка» – «сюда».

А на дорогу уже выплескивалась густая темная волна, чернильной кляксой заливая блестящий в лунном свете снежный покров. Несмотря на расстояние, до слуха Димки донесся нарастающий звук поступи нескольких сотен лап, ломающих мощными когтями плотную корку наста.

– Ну же! – взволнованно вырвалось у Соленого. – Вот же тормоза, ёпт!

Наконец осознав, что сейчас не та ситуация, чтобы тратить время на тактическую игру «свой-чужой», караванщики бросились вперед, шуруя снегоступами.

Стая за спиной торжествующе взывала, устремившись за убегающей добычей.

Растекаясь среди сугробов на темные ручьи из быстрых поджарых тел, часть клыканов уже неслась по тротуару, стараясь опередить, отсесть людей от зданий. А несколько особенно резвых особей, вырвавшись далеко впереди атакующей волны, уже настигали начавшего отставать последнего в цепочке из бегущих компаньонов.

– Скидывай рюкзак! – донесся до слуха Димки хриплый крик командира диких.

Тот то ли не расслышал, то ли не захотел подчиниться и бросить с таким трудом вырученный торговлей скarb. Неуклюже загребая снегоступами, бежал изо всех сил, но его все сильнее клонило в сторону. Димка отчетливо видел, что этот дикий сильно прихрамывает – опытного мужика угораздило подвернуть ногу где-то в пути. А псы все ближе...

– Скидывай барахло, твою мать, бросай, потом подберем! – снова закричал Первый, обернувшись и вскидывая «калаш».

Две коротких очереди с сухим треском прошили стылый воздух. Парочка самых нетерпеливых псов с отчаянным, полным смертельной боли визгом закувыркалась в снег, но их тут же накрыла следующая волна поджарых тел. И все же дистанцию хоть на пару секунд, но удалось разорвать.

Четверо караванщиков пронесли мимо командира, один вознамерился было присоединиться, встать плечом к плечу и помочь автоматным огнем, но тот прогнал его прочь, и разрядил подствольник. Негромкий хлопок. Несколько судорожно извивающихся тел отшвырнуло прочь. Сугроб от взрыва взвихрился снежным облаком, словно дымовая завеса, скрыв картину настигающей людей стаи.

Пора.

Димка поймал в коллиматорный прицел «Бизона» первые цели, подсвеченные алым маркером, и нажал на спусковой крючок. Теряясь на фоне рычания и воя накатывающей волны зверья, тихо лязгнула затворная рама. Несколько клыканов покатались, сбитые меткими выстрелами.

Наконец, проскочив между раздолбанными киосками и углом здания, дикие свернули за Автозаводскую улицу и исчезли из виду. Сталкер повел диких тем же путем, каким группа Сотникова проникла в здание: через вход какой-то конторы с внешней стороны. Через пролом в стене в задней части бывшего офиса можно было выбраться прямо на лестничную площадку подъезда, ведущего во внутренний двор здания, заблокированного разным хламом. Димка услышал, как в коридоре лязгнула дверь, скрипуче клацнули ржавые замки двери квартиры, в которой они укрылись.

Соленый отправился встречать караванщиков и вскоре вернулся с Караваем.

Бросая настороженные взгляды на своих спасителей – нынче ни к кому доверия нет, даже к тем, кто пришел на помощь, – дикие деловито, без лишней суеты расположились вдоль стен зала, сперва расставив снегоступы, а затем с заметной бережливостью сняв со спин объемистые рюкзаки. Сидеть здесь давно не на чем, близстоящие к станциям метро здания всегда обсыживались в первую очередь, так что за двадцать лет сумасшедшей жизни после Катаклизма все вымели начисто. Дикие устроились кто на корточках, а кто прямо на древнем, покоробившемся на бетонной стяжке линолеуме. На одежду натянуты костюмы химзащиты, поверх них торс плотно облегают разгрузочные жилеты, карманы набиты запасными магазинами. В руках у каждого ходока – автомат или карабин. Серьезная боевая группа. Несмотря на темноту, фонарей гости зажигать не стали.

«Правильно, – одобрительно отметил про себя Димка, – нечего зверье дразнить». Его группа, кстати, обходилась без лыж или снегоступов. Причин несколько: снег неглубокий, далеко от станции уходить не планировали, при обыске зданий любое лишнее снаряжение будет только связывать руки. Диким-то, при их расстояниях, сам Бог велел.

Все «гости» сняли маски, подставив взмокшие после отчаянной пробежки лица колючему морозному воздуху. Радиационный фон стоял нормальный, так что можно сэкономить на фильтрах, да и нормально отдышаться. В отличие от этих бродяг, далеко не всякий сталкер решался на такие эксперименты. С другой стороны, если бы это действительно было так опасно, как считают в метро, то все караванщики давно бы отбросили копыта. А они вон живы-здоровы, и помирать не собираются.

Любопытный народ эти дикие. Где они обитают на самом деле, наверное, никто и не знал. И чужаков они с собой в ходки не брали ни за какую плату. А если находился смельчак, который пытался проследить их путь, то больше его никто и не видел. Димка был уверен, что дикие этих людей не трогали. Просто маршруты, по которым они путешествовали, давно проверенные, и возможно, окропленные кровью разведчиков, были хорошо известны только им одним, а незванные следопыты наверняка совершали несовместимые с жизнью ошибки.

Димка поймал на себе внимательный взгляд одного из караванщиков, в котором безошибочно вычислил главного еще на дороге. Средних лет мужик, скинув перчатки и капюшон, ожесточенно чесал крепкими пальцами заросший густой щетиной подбородок, нестерпимо зудевший после долгого ношения маски. Наверняка сейчас гадают, сколько сталкеры слупят с них за помощь. Будь Соленый или Каравай старшими группы, так бы и было – неписанные правила для того и существуют, откажутся платить – в следующий раз на помощь могут и не прийти.

Но Димку «вещественная благодарность» мало интересовала. За обеспечение его группы оружием, снаряжением и боеприпасами отвечала богатейшая в метро Ганза – содружество кольцевых станций, поэтому крохоборством он предпочитал не заниматься. В данный момент лучше подумать, как им всем отсюда выбираться. Хотя он был в группе «искателей» самым младшим по возрасту, решение, как за командиром, оставалось за ним.

Искатели...

Сотников невольно усмехнулся под респиратором, снова отвернувшись к окну и изучая пространство улицы. Название их группе придумал Фёдор Кротов – в одно из своих посещений Таганской, где он бывал по торговым делам как представитель Бауманского Альянса. У Димки

тот день тоже оказался свободен от вылазок, и Фёдор сразу же потащил его в знакомую чайную отметить встречу. В чайной, естественно, было полно народу и масса любопытных ушей, но балагура Кротова это мало когда останавливало, любил мужик поговорить.

Изначально в спецгруппу Сотникова и двоих сталкеров – Каравая и Соленого, организовал Виктор Викторович Леденцов, назначенный начальником службы безопасности Таганского треугольника взамен погибшего Панкратова, и больше известный как Шрам. И вот уже больше месяца они рыскали по метро, проверяя слухи о различных явлениях, выясняя, что правда, а что – бред сивой кобылы. Народ в метро, придавленный толщиной бетонных стен и земной тверди, варившийся, что называется, в собственном соку среди десятков сплетен и домыслов, выраставших после мало-мальского загадочного происшествия как грибы на грядках, а то и вовсе на пустом месте, любил причудливо приукрашивать действительность.

Но разведка Ганзы предпочитала иметь дело с проверенными фактами.

«Да вы, ёханный бабай, прямо “разрушители мифов”, – рассмеялся Фёдор, когда услышал от Димки, чем тот теперь занимается. – Была такая забавная телепередача до Катаклизма, где вполне вроде адекватные, взрослые люди занимались откровенной фигней. Представь себе, они, как и вы, проверяли слухи о разных народных байках экспериментально, причем не всегда это выходило безопасно для здоровья. Я, правда, называл их развлечение по-своему – поиск приключений на задницу путем отключения головного мозга. Искатели, понимаешь ли, блин-оладушек».

Насмешливое прозвище сразу прилипло к неразлучной троице – Димка, Каравай и Соленый. Не просто прилипло – широко разлетелось по станциям благодаря любителям дурацких приколов. Феномен Фёдора Кротова. Только с его подачи любые плоские шутки вдруг становились крылатыми. Димка не обиделся на автора – слава богу, народ, склонный к упрощениям, вскоре сократил их просто до «искателей», опустив злополучную «задницу». Да и как можно обижаться на друга, на этого вечного добродушного зубоскала, не раз выручавшего «младшего брата» в трудных жизненных ситуациях? Напротив, теперь прозвище воспринималось совсем иначе. Зачастую среди «баклажанов» – так называли тех оседлых, кто за двадцать лет ни разу не набрался смелости выбраться на поверхность, – в «искателя» вкладывалось больше уважения, чем в «сталкера». Поначалу, конечно, мало кто знал об их особой работе. Но слухи, как уже говорилось, разлетаются быстро, стоит разок выполнить задание успешно... или облажаться.

И теперь нередко за помощью к «искателям» обращались не только представители различных властных структур метро, но и простые люди. Впрочем, бывало так, что ребята и сами приходили на помощь без всяких просьб.

Как сейчас и произошло.

– Спасибо, мужики, – нехотя обронил Первый, постаравшись, чтобы его сиплый, простуженный голос звучал хоть немного дружелюбно. – Выручили. Что делать-то будем?

– Ты старший? – поинтересовался пожилой сталкер.

Несмотря на маску, голос его прозвучал довольно отчетливо. Далеко не на всех переговорах есть переговорный узел, как в панорамке Первого. За окном при звуках человеческой речи тут же вырвался угрожающий вой из нескольких десятков глоток. Сталкер сделал спутникам знак рукой, и все трое присели под подоконником, скрывшись из поля зрения клыканов – нечего псов зря дразнить.

– Вот же падлы, у них не уши, а локаторы, – шепотом выругался караванщик. – Зовите меня Первым.

На самом деле у него имелось нормальное имя, так же, как и у остальных караванщиков. Но эти имена они оставляли за порогом дома, как только выходили в путь. Караванщики верили в судьбу и во власть, которую она оказывала на *настоящие* имена. Чужакам незачем их знать. Сглазить удачу – раз плюнуть.

– Давайте уж обсудим, раз такое дело, – продолжил Первый. – Понятно, что у вас тут свои заботы, и шуметь вы не собирались, да мы подвернулись. А теперь мы все вместе – в одной ловушке.

– Я – Каравай, – представился пожилой, тоже понизив голос. – Со мной – Соленый и Стажер. Что предлагаешь?

Первый покосился на компаньонов, но называть по именам их не стал. У караванщиков за своих людей всегда отвечал старший. С того момента, как они оказались запертыми в этой квартире, прошло уже минут двадцать, а клыканы все еще не желали признавать, что почти загнанная дичь ускользнула за крепкие стены и запоры. Низкое остервенелое урчание рыскающих внизу тварей вибрирующим гудением проникало даже сквозь перекрытия под ногами. Слышался топот множества лап, хруст разбитого стекла. Без особого труда заскакивая с заснеженного тротуара в оконные проемы, зверье бродило по комнатам первого этажа. В подъезд клыканы почему-то так и не сунулись, хотя двери квартир внизу, насколько Первый успел заметить, когда пробежал мимо, были выбиты. Это настораживало. Очередная загадка давно свивнувшегося мира. Не найдя поживы, звери выпрыгивали обратно в снег, и раздосадовано ворча, носились вокруг дома.

Да уж, паршивая ситуация. До рассвета не больше часа, а псы сами по себе не уйдут. Может и хуже получиться – своей возней выдадут людей другому зверью, которое придет позднее, с рассветом. В городских развалинах жизнь не замирала даже зимой, а всякой дряни в окрестностях хватает. И упыри, и нетопыри, и вичухи со стигматами. Это только навскидку, из тех, кто способен проникнуть на второй этаж через окна. Могут, конечно, и шилоклювы пожаловать, но эти быстроногие курицы-переростки обычно охотятся на открытых пространствах, где есть возможность взять сумасшедший разгон и застать жертву врасплох, а в здания они обычно не суются. Первый не сомневался, что и сталкеры все отлично понимают. Так что можно сразу переходить к сути.

– У меня только два варианта. В одном умрем быстро, в другом еще помучаемся, – Первый мрачно усмехнулся собственной шутке. – Можно попробовать прорваться с боем. Нас девять бойцов. У всех, как понимаю, есть опыт, а до Автозаводской всего метров двести.

– Не станут клыканы изображать мишени, – с сомнением покачал головой Каравай. – Твари шустрые, да и неглупые. Кроме того, многих просто не видно, рыскают вокруг дома. По моим прикидкам, их здесь не меньше сотни.

– Тогда остается мучительный вариант. Если двери надежные, попробуем отсидеться, пока собачки не свалят. Только я совсем не уверен, что мы грядущий день сможем пережить, если останемся здесь. Эта квартирка не оборудована для полноценной обороны.

– Ну а что еще придумать? – буркнул Второй, вытаскивая из подсумка флягу и прикладываясь к горлышку. Первый покосился на него неодобрительно. Хотя и, что называется, правая рука, ближнее звено в сцепке, хоть и друг, а права голоса он сейчас не имел. Порядки у караванщиков на этот счет были строгие, да только Второй всегда своевольничал, такой уж характер – ершистый, непокорный.

– Зря вы гранатой шарахнули, – голос у одного из молодых сталкеров оказался резкий, неприятный, ржавая пила по нервам и то приятнее пилит. – Всю округу всполошили, сорвали нам разведку.

Снаружи, откликаясь на сталкера, с новой силой взвыло зверье.

– Соленый, не заводись, – тихо бросил Каравай.

– Это мы-то округу всполошили? – Второй возмущенно дернулся, расплескав воду. Чертыхнувшись под нос, завинтил горлышко фляги. – Шума много? Ты послушай, что за окном творится, вот где шума много! Да мне чуть зад не порвали! Если бы не командир...

– Если бы Стажер псов не отвадил, которые эту самую задницу собирались отхватить, то порвали бы тебя вместе с командиром! – неприязненно проскрипел Соленый. – На тряпочки!

– Солёный, хорош, – чуть строже повторил Каравай. – Нечего сейчас считаться.

– Ты тоже остынь, – Первый успокаивающе похлопал Второго по плечу. На поверхности не принято донимать людей лишними вопросами, особенно тех, кто пришел тебе на помощь. Но Первого всерьез тревожила неопределенность ситуации, и состояние Второго он прекрасно понимал. – Мы все тут на нервах, но нужно держать себя в руках. Нас их дела не касаются. Люди нам помогли, это главное.

– Да нет у нас никаких секретов. – Каравай тяжело вздохнул, поерзал, устраиваясь возле стены поудобнее. – Задание у нас простое – пошарить в окрестностях Автозаводской, проверить кой-какие слухи.

Первый даже головой потряс, не веря своим ушам. Изумленно вытаращился на собеседника. И сам не смог сдержаться от ехидного замечания:

– Вам что, заняться больше нечем – слухи проверять? Или вы какие-то особенные, у каждого по девять жизней, как у кошек?

– Хуже, – Каравай хмыкнул. Похоже, реакция караванщика его не удивила, уже сталкивался с таким отношением. – Работа у нас такая.

– Это какая-то работа – проверка слухов, что ли? Тьфу, въехал. Ну и шуточки. Веселые вы... люди.

– Да какие уж тут шулки. С Ганзы сюда по заданию приперлись.

– А, так вы с Ганзы...

Второй брякнул это таким понимающе-уничижительным тоном, что трудно не услышать подтекст: «Раз с Ганзы, значит, с жиру бесятся». Первый откинул голову к стене, звонко стукнувшись затылком, и закатил глаза. Но слово уже вылетело, не поймаешь. От караванщика не укрылось, как тот из молодых, который, вроде, Солёный, дернул автоматом, пристроенным на коленях, и сам невольно напрягся. Нервный парнишка, как бы стрельбу не поднял. Хреново все-таки общаться, когда темно, как у черта под хвостом, лиц не видно, только по голосам да движениям приходится ориентироваться. Как же теперь сгладить впечатление?

– Ну и что искали-то? – как ни в чем не бывало продолжил Второй.

Первый тихо хмыкнул. Иногда так удобно быть толстокожим.

– Хотели бы мы сами знать, что ищем. Может, и не пришлось бы этой ночью столько валандаться по подъездам да квартирам, – пожилой сталкер развел руками, кажется, даже и не думая обижаться. – Завелась в этом районе, понимаешь, какая-то хрень – пока не вляпаешься, не заметишь. Говорят, люди погибают, а понять не успевают, от чего. И главное, от этих «счастливчиков» ничего не остается, кроме лохмотьев и костей. Вот нас, героев, блин, и послали, проверить... не понапридумывал ли народ очередных баек. Потому как мы с некоторых пор, благодаря Стажеру, спецы по этим самым байкам...

Первый вздрогнул.

Он вдруг понял, о чем идет речь, хотя ни разу не сталкивался с этой напастью лично. Караванщик медленно, чувствуя, как от подступающего ужаса коротко стриженные волосы встают дыбом, поднял голову, пытаясь в абсолютном мраке разглядеть потолок. Находиться в здании резко перехотелось. И не только ему – компаньоны тоже обеспокоенно зашевелились, переглядываясь. Спohватившись, Первый выхватил из кармана разгрузки фонарь. Вспыхнувший луч заплесал по обшарпанной бетонной поверхности, высвечивая паутину и лохмотья старой штукатурки.

Сталкеры, насторожившись, молча наблюдали за его манипуляциями.

– Та-ак, – многозначительно протянул Каравай, когда караванщик, закончив изучать потолок, погасил фонарь и с нескрываемым облегчением выдохнул, смахивая с лица мгновенно проступивший бисер ледяного пота. – Выкладывай, что знаешь. Мы сейчас, как говорится, в одной дрезине. Что искал?

– Вязальщиков, – слово упало тяжело, словно приговор. Первый сдавленно кашлянул, пытаясь справиться с пересохшим горлом. Угораздило же простыть перед самым выходом, дерет, зараза, как наждачкой. – Вы что, никогда не слышали о вязальщиках? Да уж, зря надеялся, что эта пакость сюда не доберется. Всегда район чистым считался...

– А подробнее?

– В жопу подробности, мужик. – Первый резко поднялся. Глядя на него, повскакивали и другие караванщики. – Ноги надо отсюда уносить! Слухи просто так не появятся! Так что вариант у нас только один – прорываться с боем, оставаться здесь нельзя!

– Хорошо панику разводить, – Каравай тоже поневоле поднялся. – Тебя что, кто-то уже за яйца схватил? Чего разоряешься? Объясни толком, чего бояться?

– Наросты обычно встречаются на потолках, иногда на стенах, – сквозь зубы процедил Первый. – Серо-зеленая дрянь, словно плесень, но плотная на вид. Чем больше нарост – тем хуже. Если окажешься под ним – хана. Да и ближе трех метров подходить не рекомендую. И никакое оружие тебе не поможет. Достаточно? А теперь собираемся и выходим!

– Эй, караванщик...

Первый не понял, как этот парень оказался прямо перед ним – молчаливый стрелок из спутников Каравая. Только что вроде сидел на полу возле подоконника, и вот уже стоит напротив. Когда респиратор снять успел – непонятно. По лицу – совсем еще пацан, едва усы пробились. Глядя в глаза Первому, паренек медленно и проникновенно произнес:

– Спокойно, караванщик. Не будем пороть горячку, хорошо?

Первый вздрогнул, замороженный каким-то животным магнетизмом, исходящим от сталкера, невольно попытался отступить, но натолкнулся спиной на стену, замер. Что-то странное произошло с его сознанием. В голове зашумело, словно от контузии – был как-то в жизни случай, едва не снесло башку близко разорвавшейся гранатой, впечатления незабываемые. Ну и глаза у пацана... прямо в душу заглянул... словно всю подноготную увидел... Прочитал. Как книгу. И что-то для себя решил.

– Хорошо, – послушно выдавил Первый. Никогда никого не боялся из людей, а тут вдруг захотелось стать меньше ростом. – Но надо же что-то делать, нельзя...

– Есть одна идея.

Мальчишка невозмутимо отошел к своим, и... принялся снимать снаряжение. Спокойно, деловито. Аккуратно прислонил к стенке оружие, скинул жилет «разгрузки», взялся за ткань химзащиты.

– Стажер, ты что задумал? – Каравай обеспокоенно шагнул к напарнику, подхватывая сброшенную ему на руки «химзу».

– Обеспечу отвлекающий маневр, а вы как можно шустрее доберетесь до метро. – Оставшись в обычной теплой одежде – штаны, куртка, вязаная шапка, парень несколько раз энергично присел и взмахнул руками, разминаясь.

– Пацан, а может, не надо, а? – Теперь Каравай встревожился уже не на шутку.

– Надо, Каравай, надо. Время идет. Людям пора на станцию. Да и нам тоже. Вернемся через пару суток, когда живности здесь будет поменьше, и поищем этого вязальщика снова. Теперь мы хотя бы знаем, что искать. Нехорошо, когда задание остается невыполненным.

– Выпендрейщик! – буркнул в противогаз Соленый.

– Я твою шкуру спасаю, уж мог бы и не ворчать. Дай-ка свою «кошку».

– У тебя же есть!

– Для дела обе понадобятся, не жадничай.

Соленый выудил из рюкзака моток троса, на конце которого блеснули острыми гранями четыре загнутых крюка, приваренных к стальному стержню. Приспособление для взятия небольших высот Первому было знакомо. Иногда в дома, в которых обрушились лестничные пролеты, для поиска хабара по-другому не забраться. А иногда и от хищных тварей так можно

спастись, закинув крюк на любую подходящую высоту – низкую крышу дома, оконный пролет, полуобвалившуюся пожарную лестницу, не достающую до земли. Но сами караванщики лишних железок не таскали, не их профиль – шарить по домам. Вшестером от многих опасностей и без стенолазания можно отбиться.

– И как ты собираешься это сделать? – с искренним недоумением поинтересовался Первый, наблюдая, как парень вытаскивает и вешает на шею еще один абордажный моток из другого рюкзака. – Этот отвлекающий маневр? Человеку от псов не убежать!

– Тише, караванщик. Действовать надо спокойно. Стреляешь хорошо?

– Те, в кого стрелял, никогда не жаловались.

– Шутник, однако. Соленый, Каравай, Первый – вы за мной, остальные ждут здесь. – Проходя мимо звеньевого караванщиков, Стажер всунул ему в руки свое оружие. – Прикроешь. На «Бизоне» глушитель, как и у моих парней, а на твоём стволе нет, нам лишний шум ни к чему.

Затем двинулся через короткий коридор в комнату, окно которой выходило на другую сторону дома. На ходу бегло подсветил фонарем потолок, следуя примеру караванщика. Чисто. Быстро учится. Происходило все так неестественно буднично, что Первый опомнился, лишь когда его в спину подтолкнул Каравай, увлекая за Стажером. Караванщик все еще не мог поверить, что парень это сделает. Ведет себя спокойно, деловито, словно ничего особенного и не произошло, так, небольшая задержка перед дальнейшим походом, а сотня тварей, рыскающих внизу, – это мелочи, не стоящие волнения. У него что, нервы из стальной проволоки?! Неудивительно, что главным в этой троице сталкеров оказался не Каравай, а этот парнишка с чудным прозвищем Стажер.

Вчетвером они расположились возле окна. С этой стороны дома клыканов пока было не видеть, даже снег не истоптан. Стажер зацепил крючья одной из «кошек» за батарею отопления под подоконником, дернул, проверяя надежность сцепления. Извивающийся трос с тихим шелестом отправился вниз.

– Действуем так. Вон тот кирпичный короб все видят? Сразу после гаражей?

– Трансформаторная, – напряженно кивнул Каравай.

– До нее мне и нужно добраться.

Первый прикинул расстояние. Черт, до строения метров сто. И напрямую не добежишь – узкая дворовая дорога занесена снегом, справа от нее – длинный ряд металлических гаражей, слева – покосившаяся, сбита в колтуны и разлезающаяся в клочья проржавевшая сетка ограды бывшей автомобильной стоянки. Не проход, а западня. А если добежит, дальше-то что?

– Когда прыгну, – продолжил Стажер, не замечая смещения спутников, – отстреливайте только тех, кто окажется ко мне ближе. Заберусь на будку, помаячу на крыше, подраэню, сколько потребуется. Псы при виде такой наживки устоять не смогут. Вы тем временем приготовьтесь к выходу. Как только все клыканы соберутся возле будки, дам сигнал. – Парень похлопал по набедренной кобуре с пистолетом. – Сразу выдвигайтесь к метро. И советую ног не жалеть. Пока клыканы будут облизываться на меня, вас за зданиями не увидят. Так что фора будет.

Затея сталкера мало кому понравилась, но альтернативы никто не предложил.

– А если все-таки заметят? – буркнул Соленый, выражая общую тревогу.

– Соскочу с будки и лично псов от тебя оттащу, – усмехнулся Стажер. – Делов-то.

– Извини, понял, – Соленый отвернулся, скрывая досаду. – Дурацкий вопрос.

– Но как потом выберешься ты? – Первый вновь окинул угрюмым взглядом заснеженный рельеф под окнами, прикидывая, какое количество самых разнообразных препятствий может встретиться внизу, не различимых сверху. Не говоря уже о том, что бежать по сугробам, когда по пятам несется свора... Это не план, а отчаяние смертника, отмороженного на всю голову.

Стажер пожал плечами:

– Это уже мои заботы. Есть у меня парочка хитростей в запасе, я повадки этих тварей хорошо знаю...

– Бред! – сердито вырвалось у Первого. – Лучше уж попытка пробиться с боем! Нас девять человек, черт побери, зачем такой риск?!

– Потому что их гораздо больше, чем ты думаешь, – усмехнулся парень. – Не хватит наших стволов для прорыва.

Неожиданно склонившись к уху командира диких, сталкер едва слышно шепнул:

– Мужик, я не отмороженный. Лучше скрести за меня пальцы.

Не дожидаясь, пока ошеломленный караванщик переварит услышанное, выпрямился:

– Все, хватит время терять. Готовы?

– Хорошо, раз решил...

Каравай еще не успел договорить, а молодой сталкер птицей перемахнул через подоконник.

Кожаные перчатки зашуршали о трос, глухо ударили «берцы», втапывая снег. И темная человеческая фигурка, утопая в снежной крупе почти по щиколотку, в отчаянном рывке устремилась к длинному ряду гаражей, до которых было метров двадцать.

От коллиматорного прицела, установленного на «Бизоне», на дальних дистанциях толку мало, а вот на ближних, до ста метров, благодаря широкому углу обзора, для эффективной стрельбы по быстродвижущимся целям ничего лучше не придумано. Лицо Первого щипал легкий морозец, выгрызая из кожи проступающую от волнения испарину. Прищулив левый глаз, он твердо вел за бегущим человеком прицельную марку – красную точку в длиннофокусном объективе, подсвеченную специальным электронным устройством.

Соленый быстро смотал веревку, отцепил «кошку», затем взялся за АК-74.

Караванщику до последнего момента казалось, что все это представление – дурацкий розыгрыш. Не может человек в здравом уме такое вытворять. Но Стажер и вправду это сделал. Он бежал. Один. Полный, стопроцентный псих, что бы он там о себе не говорил.

Первые клыканы появились совсем не там, откуда их ждали, – они вынырнули из-за гаражей, двигаясь наперерез сталкеру. На этот раз почему-то не издавая ни звука, черные хищные тени понеслись по снегу затыжными, летящими прыжками – словно в каком-то кошмарном сне.

– Не стрелять, – напряженно обронил Каравай едва слышным шепотом. – Не стрелять...

Он боялся попасть в напарника.

Стажер оказался быстрее. Прыгнув с разбегу, он вцепился пальцами в край крыши ближайшего гаража, рывком подтянулся и оказался наверху. Зубы одного из клыканов щелкнули, промахнувшись мимо ускользнувших ботинок. Зверь гулко ударил всем телом в стену гаража, с треском проломил ветхое железо и исчез внутри. Пока тварь сквозь дыру выбиралась наружу, рыча от боли и бессильной злобы, остальные клыканы поразительно быстро сообразили, как забраться следом за человеком.

Сперва дорожку наверх нашел один. Запрыгнув на заснеженный остов машины, навечно уснувшей возле гаражей, клыкан мощным прыжком перемахнул на крышу. Остальные тут же сориентировались, рванули за ним. Не всем удалось с первого раза, парочка слишком ретивых, мешая друг другу, не рассчитала и промахнулась, врезавшись в край гаража, но десяток тварей оказался наверху в считанные секунды.

Стажер тоже не стоял на месте.

Едва взобравшись, он понесся по гаражам, стараясь держаться по краю, чтобы не провалиться сквозь проржавевшие крыши. А злобно воющая свора, взбивая облака снежной пыли, неслась за ним по пятам.

Первый бессильно выругался – и звери, и человек теперь оказались на одной линии стрельбы, открывать огонь нельзя. Но продолжал упрямо вести светящуюся точку прицела, не замечая, что до боли вдавил щеку в рамку складного металлического приклада.

Отчаянное состязание наперегонки со смертью.

Парень бежал как одержимый, легко перемахивая через провалы между гаражами, снова и снова. При виде такого сумасшедшего спринта в памяти караванщика всплыло давно забытое слово – «паркур». В далекой молодости Первый пробовал заниматься этой новомодной тогда, двадцать лет назад, дисциплиной, но не потянул запредельных нагрузок – слишком много физических усилий требовалось для демонстрации подобных чудес ловкости. Зато девиз паркуристов отлично помнил до сих пор: «Ограничений нет, есть лишь препятствия».

Глядя на невероятный бег Стажера, действительно верилось, что для него ограничений сейчас не существует.

Впереди остался последний гараж.

Дальше – трехметровый разрыв, и только потом будка трансформатора, причем ее крыша находилась на несколько метров выше гаражей. Сердце Первого, неотрывно наблюдавшего за пацаном, билось так быстро, словно он бежал вместе с ним, желая только одного – чтобы тот не сорвался, не споткнулся, иначе – смерть. Он уже сообразил, как парнишка собирается уцелеть в приближающейся ловушке, тот явно все продумал заранее, прежде чем решился на столь рискованную авантюру.

Нормальный человек на такое рассчитывать бы не стал.

Даже не замедлив шага, Стажер на бегу раскрутил метровый конец веревки с «кошкой» на конце и метнул вперед и вверх. И тут же, продолжая движение, прыгнул следом. Скользя по снегу, крючья зацепились за какой-то выступ на крыше, – видимо, вентиляционный выход, – веревка рывком натянулась под весом тела. Подошвы ботинок врезались в кирпичную стену. Быстро перебирая руками, парень полез наверх. Мчавшиеся следом псы взвыли в бессильной злобе и разочаровании, заметавшись на краю крыши. Лишь один, то ли не сумев остановиться в азарте погони, то ли самый отчаянный и голодный, прыгнул следом, широко распахнув ощеренную клыками пасть...

Стажер резко поджал ноги. Со всей дури въехав мордой в стену, зверь, похоже, свернул себе шею и уже беззвучно рухнул вниз. На него тут же накинулись не менее голодные собратья, разрывая тело в клочья.

Ловко перебирая веревку руками, Стажер за несколько секунд добрался до крыши, перевалился на край и остался лежать на спине, стараясь отдышаться. Пробежка казалась легкой лишь со стороны, а на самом деле этот рывок выжал парня до предела.

Расслышав далеко разнесшиеся, будоражащие звуки погони, твари уже сбегались к гаражам со всех сторон – выпрыгивая из окон первых этажей, вылетая из-за фундамента с обеих сторон многоэтажки и возбужденно воя, неслись к месту общего сборища.

– Господи, – потрясенно выдохнул Первый – снег во дворе буквально почернел от беспорядочно мечущейся массы крупных собачьих тел. – Да их не меньше двух сотен!

– Тише ты, олух, – сквозь зубы процедил Каравай, схватив караванщика за плечо и приблизив его лицо к своему. – Хочешь, чтобы они тебя услышали и обратно примчались? Димка там выделяется и ради тебя, между прочим, понял?! Так что заткнись. Иди, готовь своих к выходу.

Караванщик сердито дернул плечом, высвободившись из хватки сталкера, бросил последний взгляд за окно. Стажер на крыше зашевелился, сел на корточки. Вытащил из набедренной кобуры пистолет. Щелкнул выстрел. Псы накинулись на новую жертву – раненого собрата. Завертелся бешеный хоровод, каждый старался урвать кусок раньше других.

Это и было сигналом.

– Ступай! – Каравай бесцеремонно толкнул Первого в плечо, и тот заспешил.

Караванщики уже давно были наготове. Тяжелые рюкзаки – на спинах, оружие и снегоступы – в руках. Второй стоял в коридоре, перед входной дверью, остальные выстроились за ним.

– Пора, – коротко бросил Первый.

Лязгнул замок. Дверь пронзительно заскрипела, распахиваясь.

Второй решительно двинулся на лестничную клетку, затопал вниз по ступенькам, перекрыв обзор объемным рюкзаком. «Что-то слишком много себе Второй стал позволять, – неодобрительно подумал Первый, устремившись вслед за помощником. – Впереди должен идти командир, а не ведомый». Оттеснив компаньонов, он догнал строптивца, по-хозяйски ухватил на плечо.

Возможно, из-за этого легкого рывка, недоуменно оглянувшись, Второй потерял равновесие – или неудачно сместил центр тяжести из-за нелегкой ноши на спине, или поврежденная нога подвела. Он оступился, и его тело бросило вперед, в темный провал лестничного пролета. И тут же послышался странный зловещий шелест. Вскидывая выхваченный из кармана фонарь, Первый в дрожащем луче света увидел, как тело друга распадается на части, словно под ударами невидимых лезвий. Как хлещет из жутких ран кровь, заливая обшарпанные стены и ступеньки лестничного пролета. Предсмертный человеческий вопль оборвался, едва вырвавшись из горла. Голова и плечо с правой рукой покатались отдельно от туловища. И хотя человек погиб, его тело, рухнувшее на бетон лестничной площадки, в свете фонаря продолжало шевелиться, словно неведомый кукловод дергал за незримые ниточки.

– Назад! – сдавленно прошипел Первый, попятившись.

«Так вот почему в подъезде было тихо, почему ни одна собака не сунулась», – запоздало дошло до него. Зимой вязальщики просыпаются не сразу, слишком холодно. Но все же просыпаются, если упрямая живность продолжает вновь и вновь входить в зону его досягаемости. Сначала под ним прошли сталкеры. Потом – караванщики. А когда в подъезд сунулись клыканы, вязальщик уже ждал.

У клыканов хватило чутья не высовываться.

У людей – нет.

Компаньоны дружными усилиями вдернули командира обратно в квартиру, а Каравай тихо, словно железо вдруг превратилось в хрупкое стекло, закрыл дверь, не издав ни звука.

– И что теперь?! – прохрипел Первый окончательно севшим горлом. Стажер сидит на трансформаторной будке, а они даже не смогли выбраться из проклятого здания.

– Есть идея! – Соленый бросился обратно в зал, где только что отсиживались караванщики.

«Надеюсь, идея не такая же отмороженная, как у Стажера», – в каком-то ступоре подумал караванщик, вваливаясь следом. Страшная, мгновенная гибель товарища выбила его из колеи. Но сейчас не время раскисать. Скорбеть он будет потом, когда выживет сам и спасет свою сценку. Сжав зубы, он с силой встряхнул головой, прогоняя слабость.

Соленый уже орудовал возле окна по примеру Стажера – зацепив «кошку» за батарею, скинул трос, и, первым перевалившись через край, скользнул вниз.

А ведь и правда – не обязательно выбираться тем же путем, каким вошли.

– Я прикрою, – отрывисто бросил Каравай, скидывая автомат и шаря стволом по окрестностям. – Мужики, давайте вниз, пока собак нет! Ну же!!

Глава 3

Одиночка

Переступив порог квартирки из двух небольших комнат, в которой он проживал с семьей, Грешник хмуро оглядел взволнованные томительным ожиданием лица жены и дочери. Фиона и Майя сидели за столом, обе уже облачены в теплую одежду, пальцы нервно стискивают на коленях заранее приготовленные зимние шапки. Женщинам понадобилось немало мужества, чтобы отважиться на такой поход, но решение уже принято, назад пути нет. На полу – рюкзаки, набитые вещами. На кровати – сваленная беспорядочной грудой одежда, из которой выбирали лучшее.

Неприятное предчувствие, что сегодня все пойдет не так, как надо, не оставляло Полякова ни на минуту, отравляя и без того паршивое настроение. Такое неподготовленное заранее, поспешное бегство, когда приходится импровизировать на ходу, кого угодно выбьет из колеи. Именно поэтому его совсем не тянуло на разговоры.

Грешник молча шагнул к столу, небрежно отодвинул металлический чайник, в котором булькнула давно остывшая заварка, положил оружие на столешницу. На тарелку с галетами и вскрытую банку тушенки из армейского сухпайка глянул лишь мельком. Приготовили для него, чтобы подкрепился перед выходом, но есть не хотелось. После убийства он всегда долго не мог смотреть на любую пищу, словно насыщаясь чужой смертью.

По-прежнему не говоря ни слова, Сергей бесцеремонно вытряхнул из рюкзаков все вещи на кровать, в общую кучу, не обращая внимания на недоумевающие ахи жены. Фиона же промолчала. Молодец, девочка. Понимает, что ничего отец зря делать не станет. Полотенца, нижнее белье, мыло, зубная щетка, кофточки, штаны... ну блин прямо на курорт собрались, а не в поход! Из рюкзака дочери, кроме тряпок, вывалился кухонный тесак. Поляков невольно хмыкнул. Широкое массивное лезвие для рубки костей, с удобной рукоятью. Вот озорница, явно у Борова умудрилась свистнуть. Хоть что-то путное, остальное – просто ненужное барахло. Так же молча он вывалил все, что женщины набили в его рюкзак, оставив на дне лишь упаковку увесистого армейского сухпайка. Скомкав рюкзаки женщин, всунул их в свой. Помедлив секунду, отправил туда и тесак.

Только после этого позволил себе минутку отдохнуть на стуле.

Он отлично понимал, что предстоящий путь пугает жену до икоты. Остается только удивляться, как дочь ее все-таки уговорила на это путешествие, какие аргументы сумела найти. Впрочем, определенные предположения на этот счет у него имелись.

– Что-то случилось? – наконец осторожно спросила Фиона, прервав затянувшееся молчание и правильно истолковав, почему он отказался от еды. Дочь всегда была наблюдательна. И не всегда делилась своими догадками и секретами об особенностях отцовского характера с матерью. Меньше знает – меньше переживает.

– Случилось, – угрюмо подтвердил Поляков. – Робинзон посылает меня за лекарствами в метро. Сын у него заболел. Прямо как по заказу...

Майя ахнула, горестно всплеснула руками:

– Да что же это такое творится в этом богом проклятом месте, да за что нам такие напасти. Да...

– Тише, Май, – негромко обронил Поляков, урезонивая жену. – Парнишку жаль, не скрою, но он обречен, мы все это прекрасно знаем. Сейчас блажь Робинзона нам лишь на руку.

– Да что ж ты такое говоришь! – осуждающе покачала головой Майя.

– Тише, сказал! – голос Грешника сурово отвердел. – Ты что в столовой устроила?! Ты каким местом думала, когда туда поперлась? Фи, ты вообще ей о своем плане сообщала перед уходом на дежурство?

– Сообщала, – сухо кивнула Фиона. – Пап, давай ближе к делу.

Майя сразу притихла, по бледным губам скользнула слабая виноватая улыбка.

– Серёжа, да ведь со всяким может случиться, – уже спокойнее заговорила женщина. – Я же в конспираторы не записывалась, а тут все так неожиданно вышло. Пришел Витя, потащил на дежурство. Да растерялась я, не смогла придумать отговорку... А как ты... Вите объяснил?

– Да ладно, проехали, – усмехнулся Поляков, не собираясь рассказывать жене о том, что сделал с Боровым. Незачем ее нервировать перед выходом, волнений ей и без того хватит. – О Борове забудь, с ним хлопот не будет. У нас есть проблемы поважнее. Так, слушаем меня внимательно и делаем так, как я скажу, если хотим отсюда выбраться без осложнений. Рюкзак я возьму только свой, чтобы видно было – вы только провожающие.

– Что же ты такое говоришь, – снова против воли вырвалось у Майи, – как мы будем без своих вещей, здесь ведь все необходимое...

– Мам, он еще не закончил, – Фиона бросила на мать укоризненный взгляд.

Поляков с нарочитой неторопливостью вытянул из бокового кармана куртки мятую пачку, вытряс папиросу, подобрал со стола зажигалку, прикурил. Майя неловко усмехнулась, правильно истолковав его реакцию – не первый год вместе жили. И тяжело вздохнула, смиряясь с неизбежностью:

– Ладно, Серёж, я уже поняла, не обращай на мою болтовню внимания. У нас ведь каждая минута на счету, я правильно понимаю?

– Правильно, – кивнул Грешник. – Раз все успокоились, продолжу. Проинструктирую здесь, чтобы потом недоразумений не вышло. Повторяю, к выходу пойдете со мной налегке, как провожающие, понятно? Так меньше подозрений, если кого встретим. И меньше вопросов. Прибарахлимся перед шлюзовой на складе, о завхозе и его прихвостнях я сам позабочусь. Для обмена берем только самые легкие и ценные вещи. Чтобы и тащить нетяжело было, и хватило надолго. Неизвестно еще, как там устроимся, на новом месте. Думаю, несколько блоков зажигалок будут в самый раз, в метро все, что дает огонь и свет, в большой цене. Блок сигарет тоже не помешает, но объем слишком большой, тех же зажигалок вместо сигарет больше войдет, и ценность выше. Ладно, на месте разберемся, что брать. На лыжах из нас троих только я ходить умею, а учить вас некогда – возьмем снегоступы, они проще в обращении. «Химзу» не надеваем, только мешать будет. К походам вы непривычные, а двигаться придется быстро, в резине только зря взопреете. Да и радиоактивных осадков сейчас нет, все под снегом. Караванщики ведь не идиоты, чтобы выбирать опасный маршрут. Фи, как у тебя с боезапасом к «Витязю»?

– Четыре магазина, – деловито ответила дочь.

– Нормально, – Грешник одобрительно кивнул. – У меня к «Веprю» тоже четыре, и пара гранат. Опять же, на посту охраны еще что-нибудь позаимствуем, матери надо хоть пистолет дать...

– Серёж, я не хочу...

– Сказал – надо, значит, надо, ясно? Я помню, что ты оружие не любишь, но сейчас особый случай. Стрелять я тебя учил, не забыла еще?

– Не забыла, – покорно вздохнула Майя.

– Отец... Может, все-таки к Печатникам попробуем?

– Не думаю, что это хорошая идея, – криво усмехнулся Грешник. – Не расплатимся за убитых. Не забывай, сколько мы их почикали, когда они нас семь лет назад штурмовать вздумали.

– Давно ведь было. Да и откуда им знать, что мы – из Убежища?

– Да потому что больше неоткуда нам взяться, Фи. Мужик с бабой и девкой. Сталкерами, как ни крути, не прикинуться. Понимаю, что Печатники ближе... но путь туда нам заказан. Да и что-то нехорошее на этих Печатниках творится. Караванчики ведь тоже туда не ходят, хотя и им ближе. Говорят, нормальных людей там уже не осталось, лишь сброд, потерявший человеческий облик. Думаешь, эта атака на Убежище просто так была? Не что иное, как акт отчаяния, дочь. Дальше Печатников ветка ведь затоплена, вот к ним из туннелей всякая нечисть и прет из воды. Нам эти приключения нужны?

Заметив, что Фиона, задумчиво сдвинув брови, покачала головой, он кивнул:

– Правильно, не нужны. За Печатниками по пути Кожуховская, но мы ее тоже в стороне оставим, по тем же причинам. Неладно там. Пойдем на Автозаводскую. Неблизкий путь, зато это уже другая ветка метро с другими порядками. Да и со зверьем на поверхности иной раз безопаснее, чем с людьми. От Автозаводской доберемся до Павелецкой, а там уже – цивилизация. Ганза. С нашими знаниями о подходах к Убежищу, о его запасах – сможем купить себе теплое местечко.

– Мы что же, предадим здесь всех? – девушка нахмурилась.

– Ты уже их предала, когда затеяла этот поход, – с жестким прищуром уставившись на Фиону, изрек Грешник. – Не забывай, что это твоя идея, не моя. Или ты уже передумала?

– Нет.

– Тогда обойдемся без соплей, дочь. Полагаешь, что тебя в метро ждут с распростертыми объятиями? Там своих нищелюбодов хватает. Как ни крути, а особый статус нам следует застолбить сразу. Потолкую с начальством, продам информацию, купим себе гражданство Ганзы.

– А по-другому никак нельзя, Серёж? – Майе предложение мужа тоже пришлось не по душе. – Может, просто наберем побольше товара?

– Его еще донести надо, этот товар, – отрезал Грешник. – Сдается мне, нам лучше вообще налегке уходить, так вернее. Взять только образцы того, что имеется на складе, иначе хрен докажешь, что не байки травим. Но самый верный товар – информация. Ее не потеряешь. И никто не отнимет.

Заметив, что Фиона что-то собирается сказать, Грешник резко бросил, поднимаясь:

– Все, хватит разговоров! Выходим. Маски не забудьте прихватить.

Пропустив женщин вперед, Поляков задержался на пару секунд, чтобы в последний раз окинуть взглядом убранство неказистого жилища, которое приютило его на столько лет. Взгляд задержался на одной из старых фотографий, украшавших обшарпанные обои. Еще молодая тогда жена и маленькая дочка на фоне архитектуры Арбата. После кинотеатра они тогда зашли в «Кодак» распечатать нащелканные за день снимки, не подозревая, что новых уже не будет. Никогда. Жена, скорее всего, забыла про фотографии по рассеянности, а Фионе всегда было наплевать на выцветшие снимки из детства, которое она не помнила. Он невольно хмыкнул – про себя, ничем не выдавая своих чувств. Фиона. Почему-то именно сейчас вспомнилось, как дочь получила такое необычное для русского слуха имя. Винить в этом можно как телесериалы, так и собственное легкомыслие, свойственное молодым. Как же этот сериал-то шпионский назывался... надо же, совсем из памяти выпало. Ладно, не в названии суть – была там у агента боевая подруга по имени Фиона, девка дерзкая и отважная, и так по молодости ее образ пришелся Сергею по душе, что уговорил жену наречь дочь именем киношного персонажа. А судьба вон как повернула... Дочка-то и впрямь как та Фиона выросла. Никого не боится, и в зубы любому дать, если что не по нраву пришлось, за ней не заржавеет. Вот и попробуй не верь потом, что имя не имеет значения. Еще как имеет.

Он, конечно, догадывался, какие аргументы дочери заставили мать согласиться на опасный поход. Нетрудно догадаться. Обещание завести семью. На стариков это почти всегда действует безотказно. Здесь, в Убежище, Фиона от всех мужчин нос воротила. Да еще «зараза» эта... Может быть, в метро дочь все-таки найдет свое счастье? Встретит наконец человека, с

которым заведет детей, и тогда у Грешника наконец появятся внук или внучка... Пожалуй, подсознательно он и сам уступил дочке по этой же неназванной причине, хотя привык думать, что это все-таки просто блажь – какие еще дети в это сумасшедшее время? Когда человеческий мир вокруг дышит на ладан, и нет никакой уверенности в завтрашнем дне?

Скулы Сергея отвердели, глаза сузились. Он не любил чувствовать себя сентиментальным и разозлился на минутную слабость. Прошлое – это старые фотографии на стенах. Они ранят мысли и воспоминания. Это прошлое давно себя изжило. Пусть здесь все и остается.

Отшвырнув окурок, Поляков вышел в коридор и по привычке аккуратно прикрыл за собой дверь. Словно еще собирался вернуться. Поймав недоумевающие взгляды дочери и жены, ожидавших его снаружи, мысленно чертыхнулся и коротко бросил:

– За мной.

* * *

До дежурки семья Поляковых добралась без помех, никого не встретив по пути.

Ничего странного – ночь есть ночь, люди спали, бодрствовать должны только охранники. Постов всего два – возле главного вещевого склада да здесь, возле шлюзовой, – абсолютно пустое помещение три на четыре метра. В правом углу перед гермой – стол и стул для охранника, на стенке рядом висит пожарный щит со стандартным инструментарием – багор, лопата, топор, лом, ведро и давно протухший огнетушитель. На полу под щитом – вместительный ящик с песком. По правую и левую сторону от шлюза – двери еще двух помещений, одна пропускала в бытовку, другая, запертая на ключ, вела на вспомогательный вещевой склад.

По привычке, выработанной на прежней должности, Поляков недовольно поджал губы, обнаружив, что место охранника пусто. Обычно здесь поочередно дежурили немые помощники Головина – Жердьяй и Увалень, но сейчас они, по всей видимости, еще были заняты переноской в холодильник мяса. Вон и внутренняя дверь шлюзовой не закрыта до конца, подтверждая выводы. Бардак, одним словом.

На звук шагов из бытовки, шаркая подошвами стоптанных башмаков, медленно вышел Головин, что-то пережевывая на ходу. В одной руке – истертая ложка, в другой – миска с неаппетитным на вид варевом из чечевицы. Плешивый гном жил здесь же, в бытовке, заодно охраняя свой бесценный склад. Перестав шевелить мясистыми губами, Головин подслеповато прищурился на вошедших. Прямо чувствовалось, как мысли тяжело ворочаются в круглой как шар голове. Хмуро сдвинув кустистые брови, Пятница поскреб ложкой спутанную бороду, не замечая, что к ложке прилипли волосы, а борода вымазалась в каше. Зная характер молчуна, Поляков без лишних разговоров сразу направился к двери склада. Пока Головин сам заговорит – петух родит.

– Открывай, – привычным уверенным тоном приказал Грешник. – Ты знаешь, зачем я здесь, Робинзон должен был тебя предупредить.

– Предупредил. А бабы чего с тобой? – неприветливо буркнул завхоз.

– А ты догадайся с трех раз, Головин. Совсем мозги мхом заросли?

– Отец надолго уходит, можем больше и не увидеться, – с трудом сдерживая неприязнь, ровным голосом пояснила Фиона.

– Проводим Серёжу и вернемся, – торопливо добавила Майя... – Как же не проводить-то...

– Тихо уже, закудахтали. Открывай склад, Головин, пока я сам это не сделал. Времени у меня в обрез, мне еще караванщиков догонять. Нужно по-быстрому затариться ценным барахлом для обмена на лекарства и выходить. Язва уже передала тебе список?

– Не было ее.

Про Борова, кстати, ни слова. Как-то даже подозрительно. Неужто еще не нашли? Вечный бардак с этим Пятницей, да и его помощники работают как сонные мухи, совсем от рук отбились, дармоеды. Но сейчас это даже на руку.

– Тогда сходи и поторопи ее, старый пень. Сказано же – времени в обрез! Открывай, мать твою!

Заставить Головина торопиться – все равно что теплом дыхания растапливать лед в морозильнике. Завхоз прошаркал к столу, бережно опустил на него миску, облизал ложку – Фиона скривилась с таким видом, словно ее сейчас вырвет. Пошарил по поясу, звякнув связкой ключей. Начал медленно перебирать ключи, оглядывая каждый так внимательно, словно видит впервые.

Поляков вырвал связку из его рук, бесцеремонно отпихнув завхоза плечом в сторону.

– Не мешайся-ка ты под ногами, Головин. Иди лучше Язву поищи.

– Многовато себе позволяешь, – злобно заскрипел гном, но сразу умолк, когда за его спиной «деликатно» лязгнул оружейный затвор, а в затылок уперся ствол «Витязя». В бесцветных глазах Пятницы, глубоко утонувших под бровями в провалах глазниц, блеснула злоба. Он не испугался. Но возражений больше не последовало. И он, конечно же, понял, что происходит. Дураком он не был, иначе бы не задержался в завхозах.

– У отца. Нет. Времени! – выделяя каждое слово, свирепо проговорила дочь.

– Подержи его пока на мушке, – одобрительно кивнул Поляков, увлекая жену за собой, – а мы пошарим по складу. Дернется – пристрелишь. Но только в крайнем случае. Без глушака далеко слышно будет. И стойте на виду, от двери не уходить.

– Я поняла, пап.

Поляков прошелся вдоль забитых имуществом стеллажей, возвышавшихся до потолка по обе стороны помещения. Упаковки газовых зажигалок, полулитровые баллончики к ним для заправки, пакеты с одеждой, ящики с термосами, светодиодными фонарями, фляжками и одноразовой посудой, пальчиковые аккумуляторы и зарядные устройства к ним, фильтры к респираторам, пластиковые пеналы с таблетками сухого спирта. И много чего другого. Из всего этого богатства требовалось как можно быстрее забить три рюкзака только самым необходимым. Тем, что не будет обременять в пути, но сгодится на первое время для обмена на более-менее комфортную жизнь в метро.

– Делай как я, Май. И без вопросов. – Пристроив свой карабин на свободной полке, он вручил пустой рюкзак жене.

Майя кивнула, хватая, по примеру Полякова, упаковки зажигалок из большого ящика. В четыре руки дело пошло споро. Грешник хмыкнул, поглядывая на жену. Молодчина, хоть сейчас никаких вопросов. Так, чуть не забыл – таблетки с сухим спиртом, отличный розжиг для сырых дров... Жаль, что оружие хранится не здесь, а на главном складе, – затворники им не торговали, берегли для себя. Ничего, хватит и этого, кроме того у завхоза в бытовке имелась еще пара стволов, надо будет забрать... И маски нужно всем новые прихватить, фильтры... Ну вот, теперь осталось заполнить последний рюкзак, и можно в путь.

Он запустил руку в очередной ящик, с беспокойством начиная думать о том, что все идет слишком уж гладко. Интуиция кричала, что нужно уже бежать, а они все возятся тут...

Прервавшись, Поляков негромко окликнул дочь:

– Фи, как обстановка?

Молчание в ответ заставило его оглянуться. Дверь склада оказалась наполовину прикрыта, а Фионы видно не было. Как же он не заметил и ничего не услышал?! Очень нехорошая, подозрительная тишина. Дочь не могла не отозваться, если бы все было в порядке. Грешник подхватил «Вепря» и положил руку на плечо Майи, вынудив ее замереть. Знаками дал понять, чтобы оставалась на месте и молчала. Жена поспешно кивнула, побледнев.

Стараясь ступать неслышно, Сергей двинулся к выходу со склада.

– Грешник, выйдешь добровольно – женщин не трону, – раздался из караулки насмешливый голос Робинзона. – Оставь оружие и выходи с поднятыми руками.

Поляков стиснул зубы так, что едва не брызнула крошкой эмаль. Твою же мать, попались! Так глупо попались... Как же Фи это допустила... Надо было самому присмотреть за безопасностью, Фи всего лишь девушка, и у нее нет опыта отца...

Майя схватила Сергея за руку, расширенными от страха глазами заглянула ему в лицо, едва сдерживая готовый вырваться вскрик. Он успокаивающе погладил ее по плечу, лихорадочно соображая, что предпринять. Майю в драку вовлекать нельзя, она не обучена и не приспособлена, только зря пострадает. Нужно все сделать самому...

– Не тяни, Серёга. У тебя шансов нет, но женщин я еще могу оставить в живых. Хотя бы ради них сдайся.

– Здесь много товара, Робинзон, – с угрозой отозвался Грешник, чувствуя, как в сердце нарастает ледяной ком. – И немало всякой горючей хрени. Не боишься, что я сейчас взорву все это к дьяволу?

– Не взорвешь. Здесь лишь малая часть из того, что имеется в Убежище, и ты это прекрасно знаешь. Ущерба ты мне не нанесешь, а сам сдохнешь. И уверяю, твоя любимая Фиона переживет тебя ненадолго. Считаю до десяти. Не выйдешь – кину гранату, и черт с ним, со складом. Я тебя хорошо знаю, напрасно рисковать не буду. Раз...

Гранату, значит? Грешник положил карабин обратно на полку, присел возле своего рюкзака, который так и не успел наполнить, достал из бокового кармашка ребристое тело «лимонки». Порывисто поднялся, склонился над самым ухом Майи и едва слышно шепнул:

– Стой пока здесь. А я что-нибудь придумаю, потяну время.

– Серёжа, – всхлипнула Майя, на глазах ее показались слезы.

– Все будет хорошо. – Он коротко обнял ее свободной рукой, прижался на миг небритой щекой к ее щеке. Он не строил иллюзий по поводу исхода этой встречи с Робинзоном. Он – всего лишь Грешник, а не супермен из комиксов. Обычный человек. Проще всего просто покончить с собой прямо сейчас, дав шанс женщинам выжить. Но Поляков не мог не попытаться сделать хоть что-то, не тот у него был характер, чтобы сдаваться. Он был абсолютно уверен, что обещание Робинзона сохранить жизнь жене и дочери – ложь. И не лучше ли тогда забрать его на тот свет с собой? Подбить итоги их давнего знакомства сразу и окончательно?

– Пять, – продолжал считать Храмовой. – Шесть.

– Выхожу, Паша. Не сотрясай воздух зря.

Грешник резко отстранился от жены и пошел к выходу. Зажав гранату в левом кулаке, так, чтобы пальцы надежно прижимали рычаг к корпусу, выдернул кольцо чеки. Он, конечно, правша, но ведущая рука ему еще могла понадобиться, а чтобы подорваться на месте, без броска, и левой хватит – достаточно разжать пальцы и подождать три-четыре секунды. Самые длинные секунды в жизни.

– Если со стволом выйдешь, сразу пристрелю, – напомнил из-за двери Робинзон. – И руки держи над головой.

– Стреляй, – усмехнулся Грешник.

Вскинув руки и скрестив ладони на затылке, он пинком открыл дверь и шагнул наружу.

Робинзон, чертов пижон, словно не чувствуя, что в караулке тепла всего градусов на десять, так сюда и приперся – в джинсах и расстегнутой до пупа рубашке, лишь портупею с кобурой нацепил. Крутость демонстрирует, типа, ему сам черт не брат. Даже не подозревает, как он смешон в своих потугах казаться киношным суперзлодеем. Кроме Храмового, здесь находились еще трое: Головин-Пятница с помощником Жердям, и Язва. Настя-Язва. Она-то и опекала Фиону – небрежно придерживая ее левой рукой за ворот куртки. На плече – ремень «Витязя», правая рука занята «Сайгой». «Прости», – виновато блеснуло во взгляде дочки, когда Поляков глянул в ее сторону. Губы Фи были заклеены скотчем. Она немного

повернулась боком, чтобы Сергей увидел – ее руки за спиной связаны, и она ничего не может сейчас поделать. Заметив движение, Язва ее одернула, как нашкодившую собачонку, тут же заслужив полный гнева взгляд пленницы.

– Повежливее, Настя, – с тихой угрозой обронил Грешник.

Женщина презрительно фыркнула:

– Посмотрим, чего ты стоишь, когда выведем тебя во двор на твое любимое местечко, там, где стены кровью расписаны. Для граффити нынче, так уж сложилось, лучший цвет – красный.

Язве было под сорок, довольно красива, и выглядела она не старше своих лет, как это обычно бывало в тяжелые времена после Катаклизма. Еще бы, все запасы питательных кремов со склада семейная парочка Храмовых за эти годы изводила исключительно на себя. Лучшая еда. Лучшие условия жизни. Душ при любой возможности. И лучшая одежда – как и Робинзон, Язва носила только новое. Внешне она очень походила на Фиону – и низким ростом, и стройной худощавой фигурой, даже лица их издали можно было спутать. Она и одета сейчас была как Фиона – в теплый комплект из куртки и штанов камуфляжной расцветки. Разве что характеры у дочери Грешника и сестры Храмового были совершенно разные. Фиона была упряма и тверда в достижении поставленных целей, но не любила беспричинного насилия и ненужных конфликтов. Язва же обожала жестокость. Каждый раз, когда доходило дело до чьей-либо казни, она не упускала случая поучаствовать, поддержать, так сказать, свечку, пока Грешник вершил дело. Посмаковать чужую боль. Неудивительно, что и сейчас она оказалась здесь. В Убежище маловато способов интересно провести время. Телевизионные зомбоящики, промывавшие мозги телезрителям информационным спамом, канули в лету, вместе с модными клубами, кафешками, ресторанчиками, танцевальными площадками, боксерскими рингами и другими развлечениями. Остался только «домашний театр». «Лучше бы ты с сыном сидела, сука», – выругался про себя Поляков. У него словно только сейчас спала пелена с глаз – среди какого морального отребья он жил все эти годы, добровольно опустившись до их уровня.

– Не мое кино, говоришь, – недобро усмехнувшись, Грешник развернулся к троице лицом и развел в стороны руки. Выдернутая чека с кольцом коротким движением кисти полетела к Робинзону. Тот машинально поймал, уставился на нее, и его вечно насмешливая ухмылка слегка поблекла. Но всего после секундной заминки Робинзон с наигранным испугом всплеснул руками:

– Ай, молодца, Серёга! Могёшь, значит, если хочешь!

– А то, – усмехнулся Поляков в ответ. – Думаю, мы еще можем договориться, Паша.

– Договоримся, – самодовольно улыбаясь, кивнул Храмовой. – Но сперва исключим из наших разборок женщин, ты ведь не против? Вдруг у тебя рука устанет и дрогнет? Жена ведь твоя на складе? Ну, тогда и Фиону туда же, не будем разделять. Настя, веди. И оставайся там, присмотришь за бабами.

– Ты чего, Паш?! Хочешь, чтобы я самое интересное пропустила? – Язва возмущенно топнула ногой.

– Не спорь, делай, как говорю. Ты ведь не против, Грешник? – Робинзон насмешливо приподнял уголки губ – не улыбка, а уродливая гримаса на холеном лице, испачканном пигментными пятнами – словно йодом вымазался.

– Вообще-то против. – Полякова привело в ярость то, с какой уверенностью вел себя Храмовой в его присутствии, словно не нуждался ни в какой защите вообще, а граната для него не опаснее новогодней петарды. Любимый прием Робинзона – сбить противника с толку любым возможным способом, подавить морально раньше, чем тот решится что-либо предпринять. – Стоять! – гаркнул Сергей, заметив, что Язва толкнула Фиону в спину, заставляя идти к складу. – Ты совсем страх потерял, Паш?

– Хех... Граната ведь неподготовленная, а, Серёга? – Робинзон хитро подмигнул. – Самый обычный запал. Ну, кинешь ты ее. За три секунды можно к черту на кулички сбегать. Да и не кинешь, собственно.

– А ты проверь, – на лице Грешника тоже застыла напряженная улыбка.

Неожиданно дочь рванулась из рук конвоиры, что-то яростно замыкая сквозь склеенные скотчем губы и глядя куда-то за спину отца. Скрип шлюзовой двери... Уже понимая, что происходит, Сергей все равно не успел уклониться. Сильный удар по затылку заставил его рухнуть на колени. В глазах вспыхнуло, и тут же зрение затянуло багровой мутью. Быстрые силуэты бросившихся к нему фигур смазались, словно чернильные кляксы. Чужие пальцы схватили его за обе руки, растянув в стороны с такой силой, что он не смог бы дернуться, даже если бы сумел сразу оправиться от удара. Его повалили лицом вниз, кто-то запрыгнул на спину, больно вдавив лицо в бетонный пол. Сквозь звон в ушах донесся странный треск слева... что-то липкое капканом обвило руку...

И тут же последовали удары ног. Ребра Полякова протестующие затрещали, он задохнулся от вспыхнувшей в груди и животе боли, скорчился на полу.

Били недолго, но основательно, от души. Когда экзекуция прекратилась, Сергей, пошатываясь, поднялся на колени. Руки слушались плохо, комната перед глазами все еще плыла.

Он поднял голову.

Люди Храмового отступили на прежнее расстояние, наставив на него оружие. Жердьяй, Головин, а теперь еще и Увалень, второй помощник завхоза – они все издевательски щерились, с явным удовольствием предвкушая дальнейшую расправу над бывшим палачом. Робинзон улыбался иначе. Снисходительно, даже сочувственно, с умело отпущенной толикой грусти. Он всегда хорошо умел играть собственными эмоциями. Видеть это напускное сочувствие было для Полякова даже больнее, чем потерпеть поражение – и Робинзон это отлично понимал. Правой рукой Храмовой подбрасывал и ловко ловил знакомый нож, который забрал у Сергея во время свалки. Дочери и Язвы в караулке уже не было – пока его месили на полу, Настя отволокла Фиону на склад. Все-таки обвели вокруг пальца... Разыграли всё, как по нотам. Отвлекли внимание, чтобы навалиться с тыла. Черт... видел же, что дверь шлюза приоткрыта, а одного помощника Пятницы не хватает!

Он медленно поднялся с колен, выплюнул на грязный пол скопившуюся во рту кровь. Странно, но связывать его не стали. Настолько уверены, что он теперь всецело в их власти?

– Сказал же, что хорошо тебя знаю, а ты со своими фокусами, – снисходительно заговорил Робинзон. – Нехорошо, Серёга, обманывать старых друзей. Так теперь и сдохнешь с этой гранатой.

Грешник поднес к лицу руку и мрачно усмехнулся, увидев, что кисть с зажатой в ней «лимонкой» надежно обмотана толстым слоем скотча. Универсальное средство на все случаи жизни. Могли просто забрать, но нет, Паша никогда не упустит случая продемонстрировать свое превосходство. Даже таким способом.

– Знаешь, до последней секунды не верил, – Робинзон вздохнул нарочито скорбно. – Думал, на тебя наговаривают. Многие ведь метили на твое теплое местечко, поближе ко мне.

– И как, уже подыскал мне замену? – вместо голоса вырвалось сиплое карканье. Поляков закашлялся, снова сплюнул. Кровь сочилась из разбитых десен, содранных изнутри о зубы щек, из прокушенного языка, пульсировавшего жгучей болью. Каждое слово давалось с трудом. – Паша... отпусти по-хорошему. Смогу помочь твоему сыну – помогу, обещаю. Ты меня знаешь.

Все-таки у Храмового имелось больное место, и Грешник угодил точно в него.

– Мой сын – это мой крест, – Робинзон надменно вздернул подбородок, отбросив лживые эмоции. Тонкие губы зло искривились. – Ему не нужна помощь. Создатель его судьбу уже решил. А ты решил свою, предав.

– Так ты не собирался меня отпускать, – запоздало дошло до Грешника. – Просто проверял. Ну и паскуда ты, Робинзон.

– Спокойнее, Серёга, спокойнее, – как и ранее, самообладание вернулось к Храмовому быстро, он снова насмешливо заулыбался. – Мне от тебя больше ничего не нужно, лишь сжигает любопытство – так почему же ты решил уйти? После стольких-то лет?

Объяснять ведь бесполезно. Не нужны ему объяснения. Робинзон все уже решил. Кровь наполнила рот, Сергею пришлось снова сплюнуть.

– А то ты не знаешь. Прогуляться захотелось... подышать свежим воздухом. Душно здесь, рядом с тобой и твоими псами. Смердит мертвечиной.

– Да ведь и ты не ангел, – не без иронии парировал Робинзон. – Немало желающих найдется поквитаться с тобой за прошлое.

– Твои приказы развязывали мне руки. Может, лучше они поквитаются с тобой?

– Но кровь-то на тебе, Грешник. Не дергайся, стой на месте. Дернешься – и разговор закончится. Выпишем тебе путевку в ад. Твоей жене жизнь не обещаю, зачем мне старуха? А дочку, так и быть, пощажу. Девочек у нас мало, глупо разбрасываться. Она мне родит нового сына.

– Знаю... – Поляков запнулся от нахлынувшей ярости. Не смог сдержать чувства в узде, как привык. – Знаю, ты давно на нее заришься, сволочь.

– Не кипятись, дружище... Знаешь, а вот не буду я решать твою судьбу. Пусть люди решают. Что скажешь, Головин?

– А вот и скажу, – завхоз шагнул вперед, глаза гнома горели обжигающей ненавистью. – Я все скажу. Помнишь *мою* жену, Грешник? Помнишь, что ты с ней сделал?

– Она была смертельно больна, Головин, – глухо ответил Поляков, чувствуя вдруг навалившуюся на него жуткую усталость. Бессмысленный разговор. – Радиация ее рано или поздно бы доконала. Я избавил ее от мучений, и, насколько помню, тогда ты был не против. Сам-то не смог, кишка тонка.

– А как же его сын, Грешник? – Головин дернул подбородком в сторону недобро осклалившегося Жердяя, стоявшего от него по левую руку.

– Ублюдок и насильник его сын, весь в папочку пошел, – Поляков машинально коснулся саднившей щеки, отдернул руку, всматриваясь в кровь на пальцах. Затем спокойно взглянул в глаза Жердяю. – Я вспорол ему глотку с удовольствием, и прикончу тебя, если потребуется.

Тот злобно прищурился, шагнул было вперед, замахиваясь, чтобы ударить пленника в лицо прикладом АКС, но завхоз перехватил его за руку, толкнул назад:

– Мы не закончили, успеешь еще. Скажи, Грешник, а брат Увальня тебе чем дорогу перешел? – оторвав руку от цевья дробовика, Гном хлопнул по плечу второго помощника.

– Предатель. Хотел уйти и рассказать о нас, хотел сдать убежище.

– Предатель, говоришь? Если он предатель, то кто же тогда ты?

– Кто я... Тот, кто уйдет, и если потребуется – по вашим трупам, – пообещал Грешник.

– Ты переоцениваешь свои возможности, – усмехнулся Пятница. – Лаешь ты по-старому, но клыки-то мы у тебя уже вырвали... Да хватит уже с ним говорить, Робинзон. Кончать надо эту мразь.

Грешник все еще на что-то надеялся. Оценивал шансы, стараясь не показывать, что взведен, как пружина и, несмотря на побои, все еще готов к драке. Нужно усыпить их бдительность. И не пропустить момент, когда тот подвернется, а подвернется обязательно... Четверо против одного, все вооружены, все ждут, что он дернется, и все его боятся, хотя и делают вид, что палач им больше не страшен. Но баланс сил и правда не в его пользу. Неужели действительно все? Черт, как тоскливо подышать вот так... И Майю точно убьют, твари.

Робинзон тонко улыбнулся:

– Ну, Серёга, пойдем, подышим свежим воздухом, как ты и хотел...

Его голос перебил звук выстрела на складе.

– А ну тихо! – прикрикнула Язва на всхлипывавшую Майю, с нездоровым любопытством прислушиваясь к разговору в караулке. Она сидела на ящике, в паре метров от двери, вполоборота к пленницам, придерживая на коленях «Сайгу», а «Витязь» бросив на полку рядом с «Вепрем» Полякова, чтобы не мешался. Пленниц она заставила встать на колени в трех шагах от себя. Руки Майе она даже не потрудилась связать – что может сделать перепуганная насмерть, непрерывно всхлипывающая старуха?

Фиона закрыла глаза, стараясь успокоиться. Ей казалось, что она задыхается. Чудовищная тяжесть вины за то, что сейчас происходило, давила на сердце, но ее глаза были сухими. В отличие от матери, она не умела плакать с детства. После всех тех зверств, на которые она насмотрелась в метро еще в трехлетнем возрасте, в психике Фи что-то перемкнуло. Если бы она не решила вот так внезапно сорваться именно сегодня, задействовав все свое упрямство, ее семья была сейчас бы в безопасности. И зачем ты только согласился, папа... Не стоит потакать всем капризам взбалмошных детей...

Так, нужно взять себя в руки...

Нужно что-то делать. Время отца истекает, любые разговоры имеют свойство рано или поздно заканчиваться, и Робинзону вскоре наскучит самоутверждаться за счет бывшего соратника. Так, а это что?.. Она нащупала связанными за спиной руками какой-то матерчатый ком на полу. Рюкзак. Не отрывая взгляда от надзирательницы, кое-как подтянула рюкзак ближе к себе. Может, и хорошо, что его не успели наполнить. Потому что пальцы, кое-как продравшись сквозь складки клапанов, нащупали тесак. Лезвие острой болью резануло по запястьям, но Фи не издала ни звука. Еще раз. Теплые ручейки крови побежали по коже, но скотч ей удалось перерезать. Язва ничего не заметила, продолжая прислушиваться к разговору в караулке. Зато заметила мать и тревожно уставилась на дочь.

«Не смотри на меня» – одними губами беззвучно прошептала Фиона, опасаясь, что та ее выдаст своим вниманием.

– Дочка... – вырвалось у матери, но она тут же осеклась.

Резко повернув голову, Язва наткнулась на испуганный взгляд Майи, и лицо все еще красивой, моложавой женщины сначала вытянулось от удивления, а затем перекошилось от безразличия.

– Май, ты совсем спятила? Какая я тебе дочка? Ты на шесть лет меня старше! Ты что, издеваешься, старая сука?!

– Насть, зато мы с тобой подруги, не забыла еще? – вмешалась Фиона, отводя гнев Язвы от матери. Та тут же окрысилась на новый объект для вымещения злобы:

– И эта туда же! Ненормальная семейка! Девочка, какие такие подруги? Я почти вдвое старше!

– Раньше разница в возрасте нам не мешала ладить.

– Но теперь ты захотела лучшей жизни, – презрительно сощурилась Язва.

– Настя, отпусти нас, – через силу тихо попросила Фиона. – Помоги...

Язва неожиданно рассмеялась, затем покачала белобрысой головой:

– Ну, точно цирк сегодня. Не стоит унижаться мольбами, Фи, это так на тебя не похоже. Я была о тебе лучшего мнения. Дай лучше послушать, о чем там мужчины толкуют. Ваш Грешник прямо отжигает. Ведь понимает, что сдохнет, а все твякает.

– Не оскорбляй его, дрянь, ты мизинца его не стоишь! – выкрикнув, Майя вдруг вскочила и, неумело выставив сухонькие кулачки, бросилась на Язву.

Фи никак не ожидала, что мать выкинет такой номер прямо сейчас. Но даже у кротких людей иногда кончается терпение, а своего мужа Майя любила самозабвенно, даже после всех прожитых лет.

Выватив тесак из рюкзака, Фиона тоже вскочила, уже понимая, что не успевает спасти маму. Язва резким движением развернула ствол «Сайги» на коленях и, совершенно не колеблясь, нажала на спусковой крючок. Майя вцепилась в ствол ружья и попыталась его вырвать из рук Анастасии именно в тот момент, когда грохнул выстрел, и пуля ударила женщине в грудь, отбросив на стеллаж. В следующий миг Фиона едва успела отклониться в сторону. С такого близкого расстояния грохот «Сайги» ударил по ушам, пороховые газы обожгли правую щеку. В ушах зазвенело. Словно в замедленной съемке Фиона выхватила взглядом, как пуля ударила в ящик с газовыми баллончиками, со звоном рвущегося металла прошила его насквозь. Газ зашипел, вырываясь наружу.

Крутанувшись волчком на полусогнутых ногах, Фи с исступленным криком обреченного взмахнула тесаком. Поворачиваясь корпусом за ее движением, Язва сдвинула ствол «Сайги», обнажив мелкие ровные зубы в волчьем оскале. Лезвие вонзилось Храмовой в руку, обхватившую цевье, на ружье и одежду брызнула кровь из страшно разрубленной кисти, отсеченные пальцы посыпались на пол.

Женщина завопила от боли и непроизвольно снова нажала на спуск.

Вырвавшись из оружейного дула, яркий сноп огня воспламенил выходящий из баллонов газ.

Сразу после выстрела Грешник услышал отчаянный крик дочери, дернулся к складу, но тут снова грохнула «Сайга»...

Дверь распахнулась и ударилась о висевший на стене пожарный щит с такой силой, что сорвалась с петель, а весь инвентарь с грохотом посыпался на пол. Волна ревущего пламени и дыма ворвалась в караулку, подхватила и отшвырнула оказавшегося на пути Полякова к остальным затворникам. Весил Грешник немало, и удар его тела сбил завхоза с ног. Тот, в свою очередь, судорожно пытаясь схватиться руками за помощников, тоже повалил их на пол, и кто-то из них зацепил Робинзона, заставив опрокинуться навзничь и его. Грешник ни единой секунды не потратил зря, используя отпущенный судьбой шанс на полную катушку. Он перекатился прямо по телам, яростно орудуя локтями и зажатой в левом кулаке «лимонкой», как кастетом. Хрустнул чей-то нос, брызнули зубы. Отчаянные вопли и остервенелый мат. Наконец он добрался до Робинзона. «Каратель», мгновенно вырванный из чужих пальцев, тут же злобно резанул бывшего шефа по лицу, вспарывая плоть от виска до подбородка. Заливаясь кровью, Храмовой вскочил и стремглав бросился в коридор, напрочь забыв про так и оставшийся в кобуре пистолет.

Грешник проворно развернулся к остальным.

Куча-мала уже распалась, люди начали подниматься, озираясь в поисках оружия, которое выронили при падении. Никогда в жизни Грешник не двигался и не реагировал на опасность так стремительно, как сейчас, мгновенно выхватывая взглядом массу деталей и тут же просчитывая контрмеры. Адреналин буквально кипел в его крови. Пинком отбросив вставшего на четвереньки Головина, он тут же прыгнул на Жердяя, подхватившего автомат, и со всей дури резанул «Карателем». Острая сталь легко рассекла кадык, вспорола глотку от уха до уха. «Как твоему сынку-ублюдку!». Жердяй захрипел и забулькал, опрокидываясь на спину, страшная рана под подбородком открылась, словно брызжащий кровью огромный рот, пытающийся что-то сказать. Сергей хотел выхватить из рук умирающего врага автомат, но для этого требовалось выпустить «Карателя», ведь левая рука с лимонкой по-прежнему была связана скотчем.

Некогда.

Рядом уже возник Увалень, с перебитым носом и окровавленным подбородком – это ему он засветил локтем, когда перекачивался по груде тел. Хакнув, словно дровосек при замахе топором, помощник завхоза замахнулся дробовиком, держа его за ствол. Грешник увернулся от летящего в голову приклада и перекатился в сторону. Не дожидаясь, когда враг перехватит

ружье для выстрела, метнул нож. Неудачно! Лезвие лишь скользнуло Увальню по виску, оставляя кровавый след.

«Для граффити нынче, так уж сложилось, лучший цвет – красный».

Здоровяк хотя бы отшатнулся, что дало возможность схватить оказавшийся рядом ломик – из инвентаря разгромленного пожарного щита. Короткий разбег, и острый стальной конец вонзился Увальню в живот. Захрипев от боли, он вновь выронил дробовик.

Но теперь поднялся на ноги завхоз. Подхватив с пола автомат Жердяя, но не заметив, что в ходе свалки из него вывалился рожок, он рванул спусковой крючок. Хлопнул одиночный выстрел загнанного в ствол патрона. Поляков отшатнулся, и пуля вырвала клочок одежды на его боку. А Головин уже лихорадочно озирался в поисках рожка, сообразив, что безоружен. Засевший в теле Увальня ломик пришлось отпустить. Прыжком сократив дистанцию с завхозом, Грешник нанес удар со всей силы. «Поцелуй» гранаты с мерзким хрустом раздробил врагу нижнюю челюсть, вбив ему в глотку оставшиеся зубы, и гном упал, захлебываясь кровью.

Только теперь у Грешника появилась возможность осмотреться вокруг, оценить положение.

Склад пылал. Пылал так яростно и жарко, что живых там просто не могло остаться. Взрывались баллоны, выбрасывая горящие ошметки вещей. Пламя дымным факелом вырывалось из дверного проема, словно дыхание из глотки дьявола, от жара вздувалась и лопалась пузырями старая краска на стенах. Удушливый смрад быстро заполнял помещение. А из коридора, ведущего в караулку, уже слышался топот бегущих – ведь Робинзон, тварь, успел удрать и вызвать подмогу.

Взгляд Грешника упал на стонавшего Увальня, который сидел на заднице, привалившись спиной к стене, и с животным ужасом смотрел на торчавший из тела лом, не в силах к нему притронуться. Рядом, ползая на четвереньках и кашляя кровью, шарил по полу руками Головин, пытаясь отыскать оружие. Дым, все больше заполнявший воздух, окончательно лишил и без того близорукого гнома зрения.

Грешник содрал зубами скотч, наконец освободив пальцы. Швырнул «лимонку» подальше в коридор, плотно прикрыл дверь и отступил под защиту стены. В коридоре громынуло, дверь вздрогнула, но выдержала. Это заставит нападавших на некоторое время задуматься. Глаза слезились от дыма, легкие рвало от кашля. Но нужно доделать начатое.

Ударом колена Сергей отшвырнул завхоза с пути, когда тот уже почти нашарил «Сайгу», затем подобрал тяжелый топор с длинной рукояткой, тоже из пожарного инвентаря. Теперь, когда обе руки были свободны, это орудие мести показалось ему наиболее подходящим. Неделию назад Поляков заточил его до бритвенной остроты лично – в таких условиях, когда по поверхности гуляют монстры, даже пожарный инвентарь должен в критический момент сгодиться в качестве оружия, например, в случае прорыва. Размахнувшись, он с силой опустил лезвие на шею Головина, снова пытавшегося встать. Обезглавленное тело рухнуло на пол, а Сергей бездумно посмотрел на голову гнома, покотившуюся в брызгах крови к его ногам. И ничего не почувствовал. Совершенно ничего. Это просто шок, отстраненно подумал Грешник. Нужно уходить. Здесь больше нечего делать. Ведь он не в силах что-либо изменить.

Тело все выполняло машинально, без участия разума. Он поднял и отправил в ножны «Карателя», подхватил «Сайгу» Головина. Его собственный карабин сейчас горел на складе, вместе с телами жены и дочери – слышно было, как там рвались раскаленные патроны.

Еще где-то он подобрал лицевую маску.

Грешник даже не помнил, как оказался за шлюзом, а потом и в заснеженном дворе, где совсем недавно принимал с Фионой караванщиков. Не помнил, когда успел в подсобке взять и надеть короткие лыжи, подхватить лыжные палки. Отворить ворота и выйти наружу.

Когда шок начал проходить, он обнаружил, что бежит на лыжах по следам бродяг, которые уже частично засыпал неспешно валивший с неба снег. На лице – панорамная маска, за

спиной ружье. Так же машинально Сергей начал припоминать маршрут. Сейчас он двигался вдоль улицы Шоссейной. По бокам медленно проплывали остовы полуразрушенных зданий. Вскоре ему нужно будет свернуть налево и двигаться уже по льду замерзшей Москвы-реки, так быстрее и короче, меньше препятствий. Еще дальше – перебраться через дамбу, по которой лежал проспект Андропова... пересечь третье транспортное кольцо... Большинство старых названий стерлось из памяти, но основные ориентиры он помнил...

Почему-то каждый вздох давался с трудом, но не из-за маски, фильтр работал исправно. Наверное, надышался какой-то дрянью при взрыве...

Нет. Он понял, что с ним.

Его душили беззвучные рыдания, а он, вместо того, чтобы дать горю прорваться, принести облегчение, по привычке держался, сцепив зубы, и усилием воли гасил в себе боль. Поляков осознал это только сейчас, когда семьи его не стало – кого он потерял. И насколько это больно. Он потерял тех, без кого жизнь становится нестерпимой, теряет ценность, становится абстрактной...

Нужно было взять ту фотографию. Тогда бы хоть что-то осталось. Нужно было взять...

Теперь он – одиночка. И единственное, чего он желал сейчас, – мести. Яростной и беспощадной. Он должен добраться до метро и найти союзников для осуществления своих планов.

Но пока все, что от него требуется, – это не останавливаться.

Пал снег. Одинокая человеческая фигурка двигалась среди руин разрушенных улиц. Из оконного проема, царапая когтями бетонные края, выглянула уродливая черная голова крупного зверя. В слабых отблесках луны в оскаленной пасти блеснули острые зубы. Из глотки вырвался тихий горловой рык, в котором чувствовалась некая озадаченность.

Человек двигался настолько уверенно и целеустремленно, распространяя вокруг себя ауру такой сжигающей ярости, что зверь не решился нападать на странного противника и предпочел вернуться в логово.

Глава 4

Ночная охота

Неловкий перехват – и веревка едва не выскользнула из рук.

Покалеченная правая «клешня» судорожно ухватила за мерзлый край крыши, Сотников рывком подтянулся и перевалился через край. Проминая телом снег, откатился от кромки на безопасное расстояние, распластался на спине. От взрывных усилий руки сотрясала дрожь, мышцы горели, а в груди kloкотал ледяной воздух, сипло вырываясь из глотки.

Ну и пробежка, черт побери... ну и пробежечка...

Но сейчас валяться нельзя.

Димка через силу зашевелился, поднялся на четвереньки. Еще и колени дрожат, черт. Он посмотрел на темный провал окна на втором этаже здания, в котором угадывались напряженно ждущие фигуры сталкеров. Лучше ребятам побыстрее убраться из той квартирки, очень она... нехорошая. Эта кровь на стенах, останки людей, да еще информация от караванщиков насчет неведомых вязальщиков.

Он опустил взгляд – туда, откуда неслась, шумная на таком близком расстоянии, возня многих тел, вой и рычание. Ёханный бабай, как любит говорить Кротов, сколько же их там... Сотни полторы? Или больше? Пространство между гаражами и стеной трансформаторной будки заполнял самый настоящий ковер из оскаленных клыков и горящих голодом глаз. Нервная ухмылка растянула подрагивающие от волнения губы. Вот как он это сделал? Забросить на бегу крюк на крышу и зацепиться за едва видимый выступ, очертания которого лишь угадывались под снегом? Такое не на каждой тренировке получится. Но получилось. Причем совершенно спонтанно. Предчувствие. Интуиция. Словно что-то вело под руку, помогая все сделать, как надо. Значит, и дальше все будет хорошо. Хотя караванщик все-таки прав – он псих.

С Дмитрием Сотниковым многое случилось с того момента, как он прошел через «быстрянку», мутагенное изменение, которому медики в Ганзе уже подобрали официальное название – циклодинамия, или, если коротко – ЦД. Многое изменилось в характере, и во взглядах на жизнь. Иногда он и сам не понимал мотивов своих поступков. Он словно играл... играл со смертью, но не хотел себе в этом признаваться. Эта сумасбродная выходка – не первая, и, видимо, не последняя. Чертов адреналинщик, вот он кто. Если бы не Наташа, которая ждет его в метро на Таганской, единственный по-настоящему близкий ему человек, жизнь, наверное, потеряла бы для него смысл. Слишком уж все усложнилось для них двоих среди людей после всех этих изменений. Ведь люди, в отличие от них, остались прежними. И их зачастую слепая, безрассудная злоба к мутантам, панический страх перед теми, кто непривычно отличался от них, нарушая нормы человеческого существования и мышления, – все это никуда не делось. Тогда зачем он им помогает?

Нет, не о том он сейчас думает.

Нужно заняться делом, а собственные проблемы подождут.

Сосредоточиться непросто. Нервное возбуждение сбивало нужный настрой, который ему сейчас так необходим. Еще из рассказов бывшего наставника из Полиса – Ворчуна, Димка знал, что клыканы обладают подобием коллективного сознания, и чем больше стая, тем лучше они соображают, как загнать добычу. А однажды стал свидетелем редкого явления – как небольшая стая клыканов, не издавая ни звука, носилась вокруг клумбы недалеко от Третьяковской. Существа, расплодившиеся на поверхности после того, как человек ее покинул, уступив среду обитания, имели иной раз довольно причудливый вид и крайне необычные повадки. Никто точно не знал, почему клыканы это делают, но имелись предположения, что таким своеобразным способом у них выявляется сильнейший – после многосуточного, на износ, кружения без

остановки. Звучит странно, конечно... Но Ворчун утверждал, что пока звери выбирают вожака стаи, все остальное их попросту не интересует.

Что ж, подходящий момент проверить на практике, так ли это на самом деле. Чем не работа для искателей? Особенно, если учесть, что именно так Димка и рассчитывал выкрутиться, решившись на эту авантюру. Но сперва придется вычислить вожака в этой массе – сама по себе непростая задачка, ведь на лбу у твари фосфорной краской не высвечивается, кто тут главный.

Левой рукой он решительно вытащил из набедренной кобуры увесистый «Бердыш». Много воды утекло с тех пор, когда осколок гранаты лишил парня указательного и среднего пальцев на правой кисти, и как ни тренируйся, а полностью компенсировать такое увечье невозможно. Но с пистолетом проще, чем с веревкой, для владения этим оружием хватает и левой руки, переучился на совесть. Сегодня из «Бердыша» стрелять еще не приходилось, магазин полный, все восемнадцать патронов терпеливо затаились в ожидании своих будущих жертв. Запасной в кармане. Ну а потом, если не хватит патронов, и нож сгодится, не зря же он болтается в ножнах на ремне. Но до этого лучше не доводить. Может быть, удастся договориться... иначе.

Ну, где же этот чертов настрой...

Димка досадливо встряхнул головой и снова прищурился.

На этот раз помогло.

Темные фигуры мечущихся тварей слабо засветились изнутри, вычерчивая на взрыхленном лапами снегу причудливую мозаику из желто-розовых пятен. Теперь, при более внимательном взгляде, в шевелящейся массе уже угадывались отдельные «течения» – обособленные в непрерывном движении группы. Димка наконец вычислил что-то вроде стаи среди стаи, вокруг которой все и вертелось – крупный матерый зверь, и десятка два клыкканов комплекцией помельче – видимо, самки и взрослеющие щенки. Вот он, вожак, с самым большим «гаремом». В лунном свете голая кожа зверя маслянисто блестит, как застывший битум на изломе; на боках и загривке проступают пятна окраса посветлее. Крупная голова снабжена развитыми челюстями – такими легко перекусить голень взрослого человека. Поджарый торс перевит рельефно проступающими мускулами, словно связками канатов. Массивные лапы с широкими подушками, которыми так удобно ступать по снегу, вооружены впечатляющей длины серповидными когтями.

Красава, ничего не скажешь. Хищное воплощение смерти.

Каким образом эти твари, лишь отдаленно напоминающие собак, от которых, возможно, и произошли, не мерзли без шерсти зимой, догадаться несложно. В инфракрасном спектре клыкканы всегда светились ярче остальных мутантов, встречавшихся на поверхности. Горячая кровь, гораздо горячее, чем у человека, и наверняка плотная жировая прослойка, позволяли им не обращать внимания на морозы. Но чтобы поддерживать жар своих тел, им непрерывно требовалось что-нибудь жрать. Закон сохранения энергии не обойти, будь ты хоть трижды мутант...

Человек и зверь встретились взглядами. Вожак застыл чугуном изваянием, предоставив беситься своим сородичам. Во взоре дикого создания постыдного мира светились свирепая мощь. «Этот не уступит, – совершенно отчетливо понял Сотников. – Только не он».

Димка поднял пистолет, прицелился. Вожак оскалил зубы, встопорщив кожистые складки на носу, в желтых глазах еще ярче вспыхнул свирепый огонь. Он все отлично понял, но и сейчас не уступил. Гордая тварь.

Десятиграммовый кусочек металла, разогнанный человеческим изобретением до убийственной скорости, пробил череп и мгновенно оборвал жизнь зверя, растерзавшего на своем веку немало врагов лишь тем, чем снабдила природа – клыками и когтями. Он медленно повалился на снег, уткнувшись массивной головой в передние лапы. На долгую-долгую секунду стоя

ошеломленно затихла. А затем завертелась бешеная свалка. Брызнула горячая кровь. Сородичи в мгновение ока разорвали труп бывшего предводителя на куски.

Мертвые не имеют статуса, мертвые – просто пища для желудков.

И только несколько минут спустя по своре словно растекается невидимая аура растерянности. Псевдопсы начинают беспорядочно метаться, словно что-то потеряли, и теперь это «что-то» жизненно важно найти. Постепенно хаотичное движение формируется в центробежное – несколько десятков клыканов закручиваются хороводом вокруг трансформаторной, выбранной осью вращения, и этот хоровод, словно вихрь, втягивает в себя все больше и больше собак, пока в нем не оказывается вся стая целиком. По идее, за власть должны были бороться только самцы, но из-за стайного сознания в общий процесс инстинктивно втянулись и самки с молодым – сила гона для них была неодолима.

Димка заворуженно наблюдал за круговоротом звериных тел с крыши, чувствуя проникающий в душу зябкий холодок восторга. Ну и ну! Что и требовалось доказать? Но какая все-таки силища в этой стае! Звериная энергия живых тел так и прет, обжигая обострившиеся чувства и наполняя все пространство вокруг. А как было бы здорово присоединиться к ним, самому стать их вожаком, сбросить бремя всех постылых человеческих обязательств и обрести невиданную свободу... Жить под открытым небом... Загонять дичь, предвкушая веселую расправу... чувствовать в пасти восхитительный вкус горячей крови, хлещущей из прокушенного горла, глотать еще трепещущую угасающей жизнью плоть жертвы...

Димка резко встряхнул головой, прогоняя наваждение стаи, едва не завладевшее рассудком. Раздробленный коллективный разум зверей снова пытался объединиться, и тяга эта была так сильна, что звериная воля едва не всосала в себя и человеческое сознание.

А это уже чертовски опасно.

Пора отсюда убираться. Времени до рассвета, когда взойдет безжалостное солнце, оставалось все меньше, да и холодновато становилось сидеть без движения. Он уже успел осмотреть крышу, заметил обрывки кабелей, свисавших с одного из углов – когда-то эти кабели, задираясь ввысь, тянулись к изоляторам на верхушке бетонного столба, торчавшего из снега в двадцати метрах от трансформаторной, а потом уходили к зданию за спиной. Даже будь провода все еще на месте, вряд ли хватит сил перебраться по ним к ближайшей многоэтажке. Если посмотреть чуть правее, то в глубине двора смутно различалось выпуклое вздутие тыльной части вестибюля, встроенного в комплекс зданий и ведущего на Автозаводскую. Жаль, со стороны двора в вестибюль не попасть – стальные двери служебных помещений заварены и заложены кирпичом, а провалы окон намертво заблокированы решетками и разнообразным металлическим хламом – ради безопасности жителей станции.

На сталкера вдруг навалилось чувство сильной потери, сдавило виски, безжалостным стальным обручем сжало грудь, заставив дышать чаще. Он стиснул зубы, волевым усилием стараясь прекратить панику. Не останавливая движения, клыканы негромко завывали, словно отзываясь на его боль. Проклятье! Ломка всегда приходит неожиданно. И чужая смерть – даже смерть зверя, – может ее спровоцировать преждевременно, не говоря уже о влекущей, будоражащей разум воле стаи. Нужно возвращаться, он слишком давно не видел Наташу... А им друг без друга долго нельзя, иначе начинают происходить странные вещи... Мир словно становится другим, и отношение к нему тоже меняется. В таком состоянии он может натворить дел, о которых потом пожалеет.

Совладав с нешуточным раздраем в чувствах, Сотников снова глянул на окно квартиры, в которой оставил спутников. Убедившись, что там уже никого нет, отправил пистолет обратно в кобуру и отцепил «кошку» от торчавшего из снега металлического выступа, с помощью которого так удачно забрался на крышу. Свернул трос в аккуратный моток, затем коротко раскрутил «кошку». Бросок. Звук лязгнувших по металлу гаража крючьев громким эхом разнесся по пространству заснеженной территории между зданиями.

Димка немного постоял, настороженно оценивая реакцию клыкканов.

Надо же – в самом деле не обращают внимания! По-прежнему бегают по кругу, вытаптывая снег, уже траншею лапами продолбили до земли. Ну и славно. Значит, не такой уж он и псих.

Сотников с силой дернул трос. Похоже, зацепил надежно. Не мешкая, привязал свободный конец все к тому же выступу, за который раньше цеплялись крючья. Жаль, что «кошку» придется бросить, но ничего не поделаешь. Нельзя прыжком просто перемахнуть на гараж – ветхое железо может не выдержать удара и провалиться, да и пути к отступлению уже не будет, если клыкканы все же очухаются и бросятся на него.

Он присел на корточки на краю крыши, несколько раз сжал и разжал пальцы в перчатках, разминая. Покосился на правую руку. Не подведи, черт возьми. Может, и стоит помолиться какому-нибудь богу, чтобы удача не отвернулась от него и на этот раз, но Димка не верил в богов. Да и не знал о них почти ничего. Не помогли эти боги прежнему человечеству, а значит, не стоит брать их в расчет. Когда полагаешься исключительно на собственные силы, то любая ошибка становится непозволительной роскошью, а значит, совершать их не стоит.

Димка улыбнулся собственной мысли, растягивая немеющие от мороза губы.

Именно так – верь в себя, и все получится.

Всё, пора!

Он перевалился через край, и кожа перчаток заскрипела под его весом, заскользив по тросу. Угловая коробка древнего гаража стремительно понеслась навстречу. Искатель заранее подогнул ноги, чтобы помягче приземлиться в снег на крыше, взрыхленный прошлой пробежкой.

Он не дотянул до гаража всего какого-то паршивого метра, когда послышался звук лопающегося металла, и трос резко провис. Реакция не подвела – сталкер все же успел рвануть трос на себя, бросив тело вперед. От удара об угол гаража в груди полыхнуло так, будто в нее вонзили копье, но каким-то чудом он все же не разжал рук.

Димка плохо запомнил момент, как подтянулся и оказался на крыше. А когда немного полегчало, то обнаружил, что стоит на четвереньках и тупо смотрит вниз на поток темных собачьих тел, безостановочно бегущий всего в двух метрах под ним. Тепловые отсветы погасли, теперь он смотрел на них лишь обычным зрением. Клыкканы поворачивали и задирали головы, косились на него, некоторые глухо рычали и скалили зубы, но движение не прерывалось. Стайный инстинкт, который овладел ими сейчас, подавлял любые посторонние желания. Острый запах псины с такого расстояния буквально забивал ноздри. Казалось, протяни руку – и дотронешься до кожистых спин. Не поднимаясь с четверенек, Димка тихо попятился, морщась даже от небольших усилий – жгучая боль в груди невольно выжимала слезы. Возможно, что-то он себе все-таки сломал. Кое-как переполз на другую сторону крыши, добрался до «кошки», осмотрел ее все еще затуманенным взглядом. Два из четырех стальных крюков глубоко пробили проржавевшую стенку гаража. Конец веревки, вывернувший злополучную хреновину с трансформаторной в самый неподходящий момент, теперь оказался свободен. Так что, по идее, «кошку» можно забрать, но...

Нет уж, хватит с него чудес на сегодня.

Если бы ему все-таки «повезло» рухнуть среди «собачек», то шанс оставить их безучастными невелик: еще бы, такой подарочек с неба. Порвали бы сталкера на множество маленьких «димок сотниковых», не прекращая движения. Вот и незачем провоцировать лишний раз: при звуках выдираемых из железа крючьев клыкканам может изменить выдержка. Да и лапы зверей сейчас втаптывают трос в снег, потянешь – потревожишь.

Димка поднялся и сдавленно охнул. Все, отпрыгался. По гаражам уже не побегаешь – вздохнуть, и то больно. Сейчас бы ему огневая поддержка не помешала, но ребята уже ушли – он это чувствовал. Ради этого, собственно, все и затевалось – дать им уйти к метро. Паршивое

ощущение, когда остаешься в полном одиночестве, да еще в таком полубеспомощном состоянии. Положение отчаянное, но хорошо хоть «Бердыш» при ударе не выпал.

Нужно двигаться, ведь неизвестно, сколько на самом деле будет продолжаться этот жутковатый хоровод. Может быть – несколько часов, а может, у него в распоряжении считанные минуты. Или, что еще хуже, – секунды. А ведь если начнется погоня, то человеку от псевдопсов и правда не убежать, тут караванщик прав.

Не спуская взгляда с текущей вдоль трансформаторной жутковатой реки звериных тел, двигавшихся, словно единое гигантское существо, Димка присел на краю крыши и прыгнул в сугроб. Боль хлестнула по груди раскаленным прутком, но он сумел сдержать вскрик. Собаки, вроде, не отреагировали. «Ну и хрен с вами». Страх – штука полезная, позволяет не расслабляться и мобилизовать силы, но нельзя ему дать завладеть рассудком целиком, тогда страх превращается в помеху.

Больше не оглядываясь, он поплелся вдоль гаражей к многоэтажке, одной рукой держась за грудь, а вторую на всякий случай положив на рукоять пистолета в заранее расстегнутой кобуре. Пока клыканы сбегались к будке, они успели вытоптать в снегу тропинку, так что шагать оказалось не так уж сложно. Несмотря на холод, лицо взмокло от пота. Еще бы зубами не скрипеть от боли... Но вроде начало помаленьку отпускать.

Димка ускорил шаг, затем перешел на вялый бег, устремившись в проход между торцом многоэтажного здания, торчащего из земли здоровенной буквой «Г» и небольшой двухэтажкой. Боль ввинчивалась под дых при каждом шаге, по-прежнему выжимая непроизвольные слезы. Хреново-то как... Нужно потерпеть. Тут же недолго бежать...

Вот и угол злополучного дома, за которым уже виднелась неширокая улица. По ней метров пятьдесят, потом обогнуть еще один угол, а дальше к метро по проспекту – прямой отрезок. Нет, нужна передышка, иначе скрутит в узел. Предусмотрительно выбрав участок простенка между двумя провалами окон, он остановился и обессиленно прислонился плечом к кирпичной стене. Не хватало, чтобы какая-нибудь тварь прыгнула на голову из чернильной тьмы. Нестерпимо хотелось оглянуться, выяснить, что там делают клыканы за спиной, но лишнее движение – лишняя боль. Да и угол торца здания за спиной уже скрывал стаю из прямой видимости. Так что пришлось стоять и медленно дышать через стиснутые зубы.

Ржавая покосившаяся ограда возле административного строения. Облезлый треугольник на знаке пешеходного перехода. Просевший киоск на углу. Высокая выщербленная опора осветительного фонаря, застывшего знаком печального вопроса. Засыпанные снегом остовы машин. Когда-то здесь кипела жизнь, а сейчас гулял лишь легкий ветер, щипля морозом мокрое от пота лицо сталкера.

А следов-то здесь сколько...

Это ведь та самая улица, по которой двигались караванчики, прежде чем выйти на широкую Автозаводскую. И где за ними по пятам неслась свора клыканов. Димка удивленно замер, только сейчас сообразив, что именно он разглядывает – и следы человеческих ног, и отпечатки собачьих лап перечеркивал поверху свежий лыжный след. Кто-то явно прошел здесь совсем недавно. «Не улица, а проходной двор», – не без иронии мелькнула мысль.

Стоп. Он наострил уши. Показалось, или с проспекта в самом деле доносится едва слышный скрип снега? Может, ребята решили вернуться?

Странное ощущение вдруг навалилось на него и завладело целиком – будто он только что разминутся с давно знакомым человеком... С тем, кого искал давно, но никак не мог встретить. Что-то подобное он уже испытывал когда-то... в прошлой жизни? Чертыхнувшись, Сотников встряхнул головой, прогоняя очередное наваждение, мешавшее связно мыслить, и рысцой двинулся дальше. Боль в груди отступила, ослабнув до ноющей занозы. Все-таки здорово, что заживает на нем все теперь гораздо быстрее.

Выбежав за угол, Димка рванул пистолет из кобуры.

По проспекту, придерживаясь середины, и в самом деле шел лыжник: темная фигура на светлом фоне зимнего покрова. Человек двигался медленно, сторбившись и наваливаясь на лыжные палки из последних сил. Вот он заметно пошатнулся, но выровнялся и продолжил путь.

За оружие Димку заставил схватиться не вид бредущего человека, а нечто иное. Густая тень метнулась из полуразрушенного балкона на третьем этаже, легко пробежалась прямо по стене между оконными проемами, спрыгнула на балкон второго этажа. Застыла, наблюдая сверху за идущим человеком. Поглощенный усталостью и движением, тот ничего не замечал.

Шорох и клацанье когтей теперь слышались где-то сверху.

На плечи и голову посыпалась кирпичная крошка, какой-то мусор.

Отскочив на шаг, Сотников резко посмотрел вверх. Еще один крупный силуэт промчался по стенке, легко впиваясь когтями в кирпичную кладку и оставляя в ней глубокие выщербленные отметины. Длинным, почти парящим прыжком монстр грациозно приземлился на снег метрах в десяти впереди Димки, спиной к сталкеру. На таком пугающе близком расстоянии зверь просматривался до мельчайших подробностей: жилистая человекоподобная фигура, покрытая серой шерстью, длинные конечности с крупными узлами локтевых и коленных сочленений, мощная холка переходит в крупную вытянутую голову...

Почувствовав взгляд в затылок, зверь неторопливо оглянулся. Под массивными надбровными дугами вспыхнули оранжевым внутренним светом узкие глаза, равнодушно уставившись на человека. Чуткая шишка широкого носа нервно подрагивала, принюхиваясь, вытянутые челюсти приоткрылись, обнажая частокол острых клыков, на губах заблестела тягучая, словно кисель, слюна.

Димка узнал эту тварь – упырь, и замер, превратился в изваяние, продолжая целиться в монстра, но не решаясь начать первым. Что-то странное произошло с ним в этот жуткий миг. Весь мир мгновенно сузился – взгляд человека видел теперь только смертельно опасную тварь, а все остальное – улица, окружающие здания, небо и облака, тихий шелест ветра и редкие падающие снежинки – растворилось в неведомой дали, перестав иметь значение. На окружающий мир словно опустилась мертвая тишина и погребла его под собой.

После встречи с таким существом от человека обычно остается высушенный, обескровленный труп с проломленным и выеденным изнутри черепом. Это тебе не «добрый милый клыкан», пистолет против такой твари малопригоден – в слишком плотной шкуре пули вязнут, не добираясь до жизненно важных органов.

Но что-то шло не так.

Упырь не спешил нападать – продолжая принюхиваться, он медленно задирает массивную голову, будто что-то пытался разглядеть в ночном небе. Сталкер его по-прежнему не интересовал, несмотря на то, что Димка к зверю оказался ближе, чем незнакомец, который уже успел уйти вперед на добрую сотню метров. Вдруг резко потемнело – на серп луны напозли тяжелые облака, похоронив его за своей толщей. И как только сгустилась тьма, тело зверя само собой засветилось алым. Организм Сотникова отреагировал без волевого импульса, запустив его способность к тепловому зрению на автопилоте. С каждым разом, при малейших признаках опасности, его способности срабатывали все легче и чаще.

Насколько Сотников был наслышан о повадках упырей, эти твари любили сам процесс охоты. Просто убить – это для них не интересно, им нужно обязательно загнать жертву, измотать ее, заставить ее сдаться и добровольно подставить горло под рвущий укус страшных челюстей. Видимо, именно поэтому сталкер их не заинтересовал. Но как только они разберутся с лыжником, все может перемениться.

Упырь наконец рванулся вперед, вспахивая снег мощными лапами. Все по-прежнему происходило в какой-то оглушающей тишине, а секунды, казалось, растянулись в тягучие минуты, за которые можно было успеть чертову прорву дел. Готовый выстрелить в любой

момент, Димка снова сдержался, словно кто-то невидимый шепнул в его сознании: «Стой». И неподвижно смотрел, как упырь стелющейся молнией несется вдоль основания дома.

Доверившись инстинкту, Сотников опустил подрагивающие от усталости руки. Эта пробежка по гаражам и кульбиты на трансформаторной его здорово вымотали. Все верно – звук выстрелов лишь отвлечет внимание на него, а он сегодня и так достаточно рисковал. Иногда, черт побери, все-таки приходится кем-то жертвовать для собственного выживания. И пусть это будет тот, кого он не знает, чем кто-то из его друзей...

Вторая тварь все еще сидела вдалеке на балконе, наблюдая за бредущим путником – но вдруг исчезла, отпрыгнув в комнату. Лыжнику уже оставалось пройти до вестибюля метро не больше сотни метров. Может, незнакомца увидят ребята из его группы – Димка чувствовал, что они все еще там, возле метро, ждут его, вглядываясь в темноту. Но успеют ли они отреагировать?

Нет, тварь настигнет жертву раньше.

С неожиданной ясностью Сотников вдруг осознал, что выбора у него нет. Черт побери, он не имел права оставить этого человека в беде! Что-то ему говорило, даже не говорило, а кричало, что в его спасении он заинтересован намного больше, чем в помощи караванщикам. Димка не знал, как точнее выразить крепнущее в душе странное чувство близости с этим путником, но этот незнакомец... Он был... Своим. Больше, чем своим, хотя раньше его сталкер никогда не видел – в этом он был уверен абсолютно. Такое же родство с людьми он ощущал в бункере «санитаров», и не узнать это чувство было невозможно.

Черт побери, неужели...

Неужели этот путник – носитель ЦД?!

Димка решительно вскинул «Бердыш», целя в спину бегущей твари, но выстрелить не успел. Как только упырь поравнялся с дверью того самого входа, где группа Сотникова помогла караванщикам оторваться от клыканов, дробный металлический скрежет разбил ночную тишину. Все окружающие звуки мгновенно вернулись – засвистел вдруг набравший силу ветер, бросая в лицо пригоршни колючей снежной крупы, где-то за зданием послышался тоскливый вой стаи. Что-то невидимое для человеческих глаз изнутри пробило листовую сталь насквозь и мгновенно добралось до упыря. Пытаясь вырваться, тварь пронзительно завизжала от разрывающей плоть невидимой смерти, но ее тело мощным рывком подтянуло и впечатало в металл – словно неведомый гарпунщик дернул за трос, привязанный к стальному жалу. Невидимка на этом не остановился – на глазах изумленного сталкера, дверь громко заскрежетала, вминаясь внутрь здания вместе с упырем. Сила, с которой ее корежило, была просто невероятной. И наконец, вырвавшись из петель, дверь канула внутрь, скрежет смолк, визг упыря оборвался.

«Это что, и есть те самые вязальщики, о которых говорил старшой каравана?!» – молнией мелькнуло в сознании Сотникова.

Услышав шелест прямо над головой, Димка плашмя бросился на снег, тут же откатился в сторону, смазанным от движения взглядом выхватив, как на расстоянии вытянутой руки мимо пронесся огромный крылатый силуэт, едва не зачерпнув снег мощными лапами.

Вичуха!

Димка вскочил, глядя, как крылатая тварь, промахнувшись, на бреющем полете несется дальше, на лыжника. Тот успел заметить опасность и обернулся, вскидывая оружие, но это его не спасло. Приглушенно хлопнул выстрел, и тут же когти широко расставленных лап монстра впились в человека. Оружие отлетело в снег. Резко захлопав крыльями и подняв целую снежную бурю, вичуха рванула в небо.

Короткие всполохи выстрелов выхватывали из темноты предельно сосредоточенное лицо Сотникова. Корректируя направление по цели, он не жалел патронов. Сталкер не боялся попасть в человека – вичуха уже поднялась до пятого этажа, а при падении с такой высоты,

как правило, не выживают. Но если не позволить твари унести путника, то хотя бы похоронить его можно будет по-человечески. Увы, не удалось. Димка был абсолютно уверен, что ни одна пуля не прошла мимо, но убойной мощности пистолета все-таки не хватило, чтобы заставить могучего хищника передумать, выпустить жертву.

Быстро набрав высоту, тварь исчезла где-то за крышей многоэтажки.

Димка еще какое-то время стоял, сжимая пистолет с опустевшим магазином, и отрешенно смотрел в стылое небо, сыпавшее на его разгоряченное лицо холодную снежную крупу. Он чувствовал полное опустошение в душе, словно только что потерял самого близкого человека в своей жизни. Наклонившись и зачерпнув ладонью снег, он с каким-то остервенением растер лицо. Легче не стало. Нападения второго упыря он не опасался: каким-то образом уже знал, что тот удрал, и удрал далеко. Теперь-то стало понятно, что упырь не пытался атаковать лыжника, он стремился скрыться, раньше человека почуяв угрозу с неба, но выбрал неверное направление. Твари нужно было заскочить внутрь здания, как это сделал его более удачливый сородич, а он попытался оторваться на открытой местности, где преимущество было у крылатой бестии. И попал под удар другого монстра – вязальщика.

Толку-то теперь от такого понимания.

И вообще, район становился слишком оживленным. Пора возвращаться, иначе эта проклятая ночь никогда не закончится...

В ночной фон улицы вплелись новые звуки, несущие угрозу. Там, за многоэтажкой, десятки звериных глоток самозабвенно драли воздух, сообщая всему свету о состоявшихся перевыборах.

И источник воя быстро приближался.

Глава 5

Ломка

– Димон, жми! – не выдержав, заорал во весь голос изнутри вестибюля Каравай, не замечая, что впелся в решетку побелевшими от дикого напряжения пальцами. – Жми, черт тебя дер!

Димка и так «жал» изо всех сил, куда уж быстрее!

Подъезд с засевшим в нем монстром пришлось предусмотрительно обогнуть по широкой дуге, теряя драгоценное время, прежде чем рвануть в сторону вестибюля метро напрямую.

В лицо наотмашь хлестал набирающий силу колючий ветер вперемешку со снегом. Сталкер птицей перелетал через сугробы, снежные комья так и летели из-под ног. И все равно казалось, будто двигается он страшно медленно. В такие минуты всегда кажется, что расстояние, каким бы оно ни было, становится словно резиновым и отчаянно не желает сокращаться. А ведь малейшая заминка, и клыканы захлестнут его яростно рычащей сворой, разрывая на куски заживо...

Но он успел.

Лицевая часть вестибюля давно уже избавилась от столичного лоска, стряхнув с себя стеклянные витрины. Сейчас она сурово взирала на окружающий мир многочисленными «глазами» частой решетки, сваренной из толстых стальных труб – нынешняя действительность диктовала новое, более «брутальное» оформление. Врезанная в решетку тяжелая стальная дверь распахнулась, впуская бегущего, и тут же захлопнулась. Намертво заблокировав дверь мощными задвижками, Соленый отскочил в сторону и просунул между прутьями ствол автомата, целя в накатывающую волну поджарых тел. Но сердитый окрик Каравай остановил его порыв:

– Ты чего творишь, бестолочь?! Отставить!

– От бестолочи слышу! – огрызнулся Соленый. – Самый подходящий момент уменьшить популяцию этих тварей!

– Нет! – хрипло выдохнул Димка, пытаясь отдышаться после бешеной пробежки. Бесцеремонно ухватив Соленого за плечо, он толкнул его в сторону двери шлюзовой. – Незачем патроны тратить, только зверье раздражим!

Чертыхнувшись под нос, Соленый все же послушался, понимая правоту соратника умом, но не сердцем, жаждущим боя. Из них троих зверье он ненавидел больше всех – было в его прошлом несколько неприятных случаев, когда едва остался жив после нападения мутантов. Впрочем, легче посчитать тех, у кого таких случаев не было: ровным счетом ни у кого.

Из продуваемого всеми ветрами вестибюля они спешно ретировались в шлюзовую, захлопнув за собой дверь.

Димка сразу же без сил рухнул на одну из скамеек, откинулся на стенку. Его раскрасневшееся лицо взмокло от пота. Здесь, хоть и не топились, все равно теплее, закрытое помещение защищало хотя бы от ветра и снега. Каравай тоже присел рядом, понимая, что товарищу нужно восстановить дыхание и немного отдохнуть перед спуском в метро. Соленый же нервно заходил по шлюзовой туда-обратно – раз стрельба не потребовалась, то и находиться здесь он не видел смысла, да и возбуждение еще давало себя знать.

Черт! А ведь считалось, что «перевыборы» у клыканов могут длиться сутками! Неверная информация его едва не погубила. Может, холод заставил зверюг принимать решение быстрее, чем обычно? Да уж, «развеселая» ночная ходка выдалась, с погонями и стрельбой. Такие вылазки потом еще долго вспоминаешь в кругу других сталкеров с напускной бравадой, выражая пренебрежение к смерти. А про себя думая о них с содроганием, надеясь, что подобных

переплетов в будущем не случится. Везение – штука не бесконечная. Хорошо хоть рассосалась боль после удара о гараж, видимо, не так уж и сильно он приложился.

Кое-как отдышавшись, Димка обвел взглядом помещение и недоуменно хмыкнул, отметив, что, кроме них троих, здесь больше никого нет. Так как Автозаводская являлась станцией неглубокого залегания, архитекторы оставили ее без внешнего гермозатвора, и, соответственно, без защиты от агрессивных сил. Но люди, выжившие после Катаклизма, решили иначе. Когда боевой группировке интерстанционалистов лет десять назад понадобилась свободная территория для запасной базы, они выбрали пустующую Автозаводскую, привели ударный отряд и истребили еще немногочисленную тогда, но уже начавшую активно плодиться среди городских руин нечисть. Затем привезли всех своих специалистов, оборудование, какое смогли найти, и закипела работа. В первую очередь перекрыли решеткой выход на улицу, заварили окна на втором этаже вестибюля, служебные помещения которого не планировались к использованию, а заодно и лестничные проходы. И только потом пришел черед эскалатора – вход на него заблокировали глухой стеной из материала, собранного в округе везде, где только можно было найти, – разбирали киоски, павильоны, резали ограды, в общем, весь доступный металл пошел в дело. После завершения работ, чтобы попасть на эскалатор и, соответственно, на станцию, приходилось проходить через устроенную из служебных помещений шлюзовую. И, по идее, эта самая шлюзовая должна постоянно охраняться.

Раньше о дисциплине на Автозаводской у Димки мнение было получше.

Правильно истолковав недоумение Стажера, Каравай пояснил:

– Охранник пошел караванщиков проводить, а мы пока за него подежурили. Сам знаешь, людей на Автозаводской мало, выставляют по одному. Защита здесь весьма приличная, пока держит. Ведь район до сих пор считался довольно чистым.

– Да уж, чище некуда! – фыркнул Соленый.

– Да не мельтеши ты перед глазами, – одернул его пожилой сталкер.

– А ты не смотри, если не нравится, – отрезал Соленый, продолжая, словно заведенный, вышагивать по помещению. Пять шагов в одну сторону, разворот, пять шагов обратно.

– Каравай, я в курсе местных проблем, – Димка слабо хмыкнул: на приличную усмешку, и то сил не хватало. Он отлично помнил, что душевые бачки в шлюзовой давно уже не наполнялись дезактивационным раствором, так как зимой опасность радиоактивного заражения значительно снижается, и местная охрана, как говорится, расслабилась, нюх потеряла. – Но я почему-то полагал, что караванщикам хватит совести подождать и прикрыть нас, пока я снаружи выкладываюсь.

– Да не, нормальные ребята, Димон, зря не гони, – Каравай мотнул головой, отмечая несправедливые обвинения. – Их старшой так и собирался сделать. Расстроился донельзя, что одного из своих потеряли, хотя бы тебе помочь хотел. Да я не позволил, отправил их на станцию, чтобы под ногами не мешались.

– Одного потеряли? – Димка нахмурился. – Как это вышло?

– Ну да, ты ж не видел... – пожилой сталкер невесело усмехнулся. – Обратно через первый этаж выбраться не получилось, там нас какая-то дрянь поджидала. Караванщики уверяли, что это и был тот самый вязальщик, собственной персоной. Помяни черта... Спал он, типа. А мы потревожили, туда-сюда шастая, вот как Соленый сейчас, будто скипидар в причинном месте...

– Ты лучше за своими причинными местами присматривай, – буркнул Соленый, и не думая успокаиваться.

– Не, ну никакого почтения к старшим... В общем, взял вязальщик плату за проход, кровью. А нам пришлось вернуться и из окон попрыгать. Караванщики все свое барахло побили, а куда деваться-то? Жить захочешь, и голой задницей на ежа сядешь, лишь бы помогло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.